Сэру Филиппу, с любовью

Автор:
Джулия Куин

Сэру Филиппу, с любовью

Джулия Куин

Бриджертоны #5Очарование (АСТ)

О чем должна мечтать старая дева? Конечно, о браке! Что должна сделать она, получив письмо с предложением руки и сердца от одного из самых завидных женихов лондонского света? Конечно, прийти в восторг! Но отнюдь не восторг вызывает у Элоизы Бриджертон предложение сэра Филиппа Крейна! По чести сказать, эта насмешливая красавица и вовсе собирается отказать сэру Филиппу – и откажет, если «этот наглец» в твердо установленные сроки не покорит ее сердце!..

Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале (https://journal.litres.ru/gremuchaya-smes-britanskoj-klassiki-i-sovremennyh-realij-tak-li-horosh-skandalnyj-serial-bridzhertony-ili-eto-lish-razdutyj-hajp/)

Джулия Куин

Сэру Филиппу, с любовью

Пролог

Февраль 1823 года

Глостершир, Англия

Словно по иронии судьбы это случилось в такой же ясный, солнечный день.

Фактически это был первый солнечный день после целых шести недель беспросветно серого неба. Единственным погодным разнообразием было то, что мелкие, занудные дожди иногда сменялись снегом. Поэтому когда наконец солнце залило своим светом все вокруг, словно решив взять реванш за эти недели, даже Филипп, чье мрачное настроение, казалось бы, ничто не способно было развеять, почувствовал, что не может оставаться в четырех стенах при такой погоде.

Да и кто мог бы усидеть дома в такой солнечный день, особенно когда он случается посреди долгой, мрачной, серой зимы?

Теперь, по прошествии месяца с того страшного события, Филипп недоумевал, как могло солнце, каким бы ярким оно ни было, вытянуть его из дома. Тем не менее факт оставался фактом.

Собственно, то, что произошло, для Филиппа не должно было явиться такой уж неожиданностью. Чем еще все это могло кончиться? Со дня их с Мариной свадьбы прошло восемь лет – достаточный срок, чтобы как следует узнать жену.

Впрочем, в глубине души Филипп всегда знал, что рано или поздно все кончится именно так. Знал – но старался не думать об этом, тешил себя иллюзиями, что, даст Бог, все обойдется.

Филипп рассеянно уставился в пустой бокал, удивляясь, как это он опорожнил его, сам того не заметив. Однако он не чувствовал себя пьяным, несмотря на свое желание напиться и забыть…

Филипп посмотрел в окно. Солнце медленно клонилось к горизонту. День сегодня выдался такой же солнечный, как и тогда – это, должно быть, и навело его на грустные мысли… Должно же быть какое-то объяснение его настроению? Обязательно должно быть… Больше всего Филипп страшился беспричинной депрессии – он боялся стать похожим на свою покойную жену.

Марина, казалось, провела всю жизнь – во всяком случае, всю свою замужнюю жизнь – в беспричинной депрессии. Сколько ни напрягал Филипп память, он так и не смог вспомнить, как звучит ее смех – скорее всего он ни разу и не слышал смеха Марины.

Да, Филипп ожидал подобного конца. Но он не думал, что в этот день будет такое яркое, словно смеющееся над ним солнце.

Филипп закрыл глаза и прикрыл их руками, словно это могло защитить его от тяжелых воспоминаний…

– Признайтесь, не ожидали такого солнца, сэр Филипп?

Филипп зажмурился и подставил лицо солнечным лучам.

– Отличный денек! – пробормотал он. – Если бы еще не этот чертов мороз…

Майлз Картер, секретарь сэра Филиппа, поцокал языком:

– Мороз? Да не такой уж он и сильный, осмелюсь доложить! Озеро по крайней мере не замерзло как следует – так, кое-где, местами…

Филипп неохотно отвернулся от солнца и открыл глаза.

– Во всяком случае, не весна! – все тем же тоном проворчал он.

– Разумеется, не весна, сэр. Не верите мне – справьтесь по календарю.

Филипп искоса посмотрел на Майлза:

– Я, кажется, плачу вам не за то, чтобы вы здесь упражнялись в остроумии, Картер!

– А неплохо бы было, сэр, – усмехнулся тот, – чтобы вы приплачивали мне и за это!

Филипп промолчал – оба знали, что на самом деле он сердится на секретаря лишь для вида, – затем Филипп поднялся и направился в оранжерею. Картер последовал за ним.

– Мне казалось, серое небо не так уж раздражает вас, сэр! – продолжал секретарь.

– Не раздражает – это еще не значит, что я не рад солнцу. – Филипп потянулся, чтобы размять спину, и на минуту задумался. – Позаботьтесь, любезнейший, о том, – продолжил он потом, – чтобы мисс Милсби непременно вывела детей на прогулку, только скажите ей, чтобы она одела их потеплее. Пусть наслаждаются солнцем – они и так уж слишком засиделись в четырех стенах.

– Не только дети, сэр, – вставил Майлз. – Мы все засиделись в четырех стенах.

– Разумеется. – Мысли Филиппа уже целиком были заняты оранжереей. Пожалуй, стоило бы сначала просмотреть почту, но Филиппу не терпелось проверить новые семена.

– Не смею вас больше задерживать, Майлз, – произнес он. – Я знаю, что торчать в теплице вы не любите – вам не по нраву жара. Разыщите мисс Милсби и скажите ей…

– В такой мороз, сэр, – перебил его тот, – я вообще-то не прочь был бы погреться в теплице.

– Вы считаете, – прищурился Филипп, – что мой фамильный дом недостаточно теплый?

– Все фамильные дома таковы, сэр.

– Пожалуй, вы правы, – вздохнул Филипп.

Несмотря на постоянные подкалывания со стороны Майлза, Филипп не мог отрицать, что этот малый ему симпатичен. Он нанял Майлза полгода назад, чтобы тот помогал ему справляться с корреспонденцией – Филипп получал ежедневно целые горы писем, – и Картер, несмотря на молодость, неплохо

выполнял эту работу. Филиппу даже нравился своеобразный юмор Картера. Никто другой из слуг не смел даже улыбнуться в присутствии Филиппа… а уж о Марине и говорить нечего.

Впрочем, иногда смех детей вызывал у Филиппа улыбку, но ведь то был совсем другой смех. Однако большую часть времени Филипп просто не знал что сказать детям. Бог свидетель, он пытался найти с ними общий язык, но каждый раз ему казалось, что он либо слишком мягок, либо, напротив, чересчур авторитарен. Чаще всего Филипп просто отсылал от себя детей, спихивал их на няню или гувернантку… Так было проще.

– Что ж, Майлз, – рассеянно проговорил Филипп, – как вам угодно.

В устах хозяина, обращающегося к слуге, такая фраза звучала немного странно, к тому же Филипп, пожалуй, справился бы без Майлза даже лучше, чем с ним. Но Филиппу не хотелось пререкаться с секретарем: зачем портить самому себе такой солнечный день?

Он решил, что проведает детей во время их прогулки с мисс Милсби и расскажет им о каком-нибудь растении из тех, что растут вокруг; когда не знаешь, о чем разговаривать, самое безопасное – какая-нибудь нейтральная тема.

Войдя в теплицу, Филипп закрыл за собой дверь и с наслаждением втянул теплый влажный воздух. Изучая ботанику в Кембридже, Филипп когда-то был там одним из лучших студентов. Со временем он стал бы, возможно, даже академиком, если бы не смерть брата.

Гибель Джорджа при Ватерлоо круто изменила судьбу Филиппа, сделав его в одночасье владельцем огромного поместья и обрекая тем самым на жизнь сельского анахорета.

Впрочем, такой вариант Филипп находил для себя не худшим. Быть владельцем поместья, но жить не в нем, а в городе совершенно не устраивало бы его. Здесь по крайней мере он может вволю предаваться своим научным опытам в относительно спокойной обстановке.

Филипп присел на скамью, глядя на объект своего теперешнего эксперимента – грушевое дерево, на котором он путем прививок пытался добиться более

крупных и сочных плодов, правда, пока безуспешно. Новая ветка не только не прижилась, но из-за неудачной прививки, похоже, все дерево грозило безнадежно засохнуть – результат, которого он ожидал меньше всего.

Филипп нахмурился, но тут же заставил себя улыбнуться. Не стоит так сильно переживать из-за неудачи – в конце концов, все новое в науке всегда творилось методом проб и ошибок. Если проанализировать, то, по сути дела, большинство научных открытий было отнюдь не плодом долгой, кропотливой работы, а просто случайным везением или даже результатом какой-нибудь ошибки исследователя – хотя ученые, как правило, не любят признаваться в этом.

Хватит распускать нюни! Не удалось, так не удалось – нужно продолжать работу, только и всего. Надо просмотреть семена, отобрать из них те, от которых есть надежда получить максимальную всхожесть…

Вынув из кармана лупу, Филипп начал пристально разглядывать семена, как вдруг краем глаза уловил вдалеке движение чего-то красного.

Марина! Красный цвет всегда был ее любимым цветом – хотя, казалось бы, женщина, постоянно пребывающая в депрессии и целыми днями не покидающая собственной спальни, скорее должна была бы предпочитать что-нибудь более приглушенное.

Филипп поднял голову, но Марина уже скрылась из виду – должно быть, ее заслонили деревья… Филипп облегченно вздохнул. Марина редко выходила из дома, и он надеялся, что прогулка в такой ясный солнечный день хоть немного поднимет ей настроение… Может быть, Марина даже захочет увидеть детей. По заведенному ритуалу они общаются с матерью каждый вечер перед сном, но, конечно, этого недостаточно…

Впрочем, нельзя сказать, чтобы дети достаточно общались и с ним, отцом. И винить в этом Филипп может лишь самого себя. Казалось бы, он делает все, чего требуют от него обязанности отца… Но в глубине души Филипп знал, что его отношение к детям, по сути, сводится к тому, что он просто старается не быть с ними особо жестоким и грубым, не быть таким, каким был его собственный отец. А одного этого, разумеется, недостаточно, чтобы быть по-настоящему хорошим отцом.

Филипп вдруг решительно поднялся со скамьи. Семена подождут. Ему нужно сейчас быть со своими детьми, он должен сам повести их на прогулку, а не мисс Милсби, которая не умеет отличить ель от дуба, а розу от маргаритки. Конечно, дети не умрут, если он этого не сделает, но обязанности отца, в конце концов, не должны ограничиваться заботой о том, чтобы дети были одеты и накормлены…

Филипп снова посмотрел в окно, напомнив самому себе, что сейчас февраль. Ни мисс Милсби, ни он сам при всем желании не смогли бы обнаружить во дворе ни роз, ни маргариток. Но это не дает ему права манкировать обязанностями отца. Тем более что прогулка на свежем воздухе, сопровождаемая лекцией о природе, – это как раз то, что из обязанностей отца удавалось ему, пожалуй, лучше всего.

Филипп решительно вышел из оранжереи и направился к дому, но, не пройдя и трети пути, вдруг остановился. Если детей на прогулку поведет он, то перед этим следует зайти с ними к их матери. Она, все так же пребывая в своем постоянном состоянии равнодушия ко всему на свете, скорее всего не скажет и не сделает ничего, разве что потреплет их по голове, но все равно детям необходимо общение с матерью.

Ах да, он и забыл, что Марины сейчас нет в ее комнате… Значит, нужно будет разыскать ее во время прогулки. Может, она даже захочет присоединиться к ним… Это было бы лучше всего.

Но, поразмыслив, Филипп усомнился в том, что это хорошая идея. Он достаточно хорошо знал жену, чтобы понимать: если Марина вышла из дома – это еще не значит, что у нее хорошее настроение. Скорее наоборот – очередной тяжелый приступ хандры. А в таком случае детям лучше не встречаться с матерью.

Резко повернувшись, Филипп направился в рощу, в которой за несколько минут до того скрылась Марина. Шел он быстро, почти бежал – надо было догнать жену и определить, каково ее настроение. Если он поспешит, то, возможно, еще успеет вернуться в дом прежде, чем мисс Милсби выведет детей на прогулку.

Проследить путь Марины было легко. Земля была сырой, а Марина, очевидно, была в тяжелых ботинках, поскольку на земле четко отпечатались ее следы. Следы эти вывели Филиппа из рощицы на поросший травой склон.

– Черт побери! – едва слышно проворчал себе под нос Филипп, приложив ладонь ко лбу козырьком, чтобы защититься от слепящего солнца, и вглядываясь вдаль: не мелькнет ли где-нибудь красное пятно?

Но ничего не было видно ни рядом со старым заброшенным амбаром, ни в поле, служившем Филиппу в теплое время года для его селекционных экспериментов, ни у огромного валуна, где Филипп, бывало, любил играть в детстве.

Наконец, обернувшись к северу, Филипп увидел ее. Марина направлялась к пруду.

К пруду!

Филипп застыл на месте, глядя на удаляющуюся фигуру Марины – не столько от страха за жену, сколько просто от неожиданности ситуации. Марина никогда не купалась – во всяком случае, с тех пор, как Филипп ее знал. Он даже не знал, умеет ли она плавать. Более того, на памяти Филиппа Марина никогда даже не ходила в этом направлении, хотя о существовании пруда она скорее всего знала. Филипп машинально зашагал к пруду, словно подсознательно почувствовав опасность, которую боялся признать осознанно. Марина уже подошла к самому берегу, и Филипп побежал к ней.

– Марина!

Но если жена и слышала его, то никак не отреагировала. Не замедляя и не ускоряя движения, как бы механически, Марина заходила все дальше в воду.

– Марина! – Филипп буквально летел к пруду, но все равно оказался бы рядом с женой не раньше чем через целую минуту, а за это время могло произойти непоправимое. – Марина!

Его жена уже была в том месте, где, как знал Филипп, дно резко обрывалось. Через секунду ее красный плащ мелькнул на поверхности воды, а еще через мгновение скрылся и он.

Филипп снова и снова звал жену, хотя та скорее всего не могла его слышать. На ходу сбросив ботинки и плащ, Филипп с разбегу погрузился в ледяную воду. За

ту минуту, что Марина пробыла под водой, вряд ли она могла утонуть, но сейчас была дорога каждая секунда.

Филипп купался в этом пруду бессчетное количество раз, он знал все малейшие изгибы дна как свои пять пальцев. Быстрыми, энергичными движениями он направлялся к тому месту, где обрывается дно. От обжигающе-ледяных струй не спасала и одежда, но Филипп не обращал на это внимания.

Он должен найти ее! Пока еще не поздно…

Филипп погрузился глубже. Глаза его плохо видели из-за мутной воды – должно быть, Марина, поскользнувшись, взбаламутила песок на дне.

Спасла Марину яркость ее одеяния. Сквозь пелену песка Филиппу все-таки удалось разглядеть красный плащ, трепещущий в подводных струях, словно воздушный змей.

Подхватив жену, Филипп поплыл к берегу. Марина не сопротивлялась – должно быть, была без сознания. Филиппа вдруг охватил ужас. А что, если он все-таки опоздал и в руках его теперь не более чем безжизненный труп?

Как только голова Филиппа поднялась над поверхностью воды, в грудь тут же, словно разрывая ее, устремился мощный воздушный поток – очевидно, за несколько минут пребывания под водой легкие уже успели приспособиться к дефициту воздуха и теперь не справлялись с его избытком. На минуту Филиппу стало не до Марины – не обретя ровного дыхания, он не смог бы выплыть сам, не то что вытащить жену, – но уже в следующую минуту он снова тащил ее.

Вот наконец и берег… Филипп имел слабое представление о том, как нужно делать искусственное дыхание, – до сих пор ему не приходилось никого вытаскивать из воды. Положив жену лицом вниз, он начал хлопать ее по спине. Поначалу Марина никак не реагировала, но затем закашлялась, и из ее рта вытекла мутная вода.

Филипп перевернул ее на спину.

– Марина! – Он слегка похлопал ее по щекам. – Марина!

Она снова закашлялась, но затем наконец стала жадно глотать воздух. Душа Марины могла желать смерти, но тело инстинктивно цеплялось за жизнь.

– Марина! Слава богу…

Филипп вздохнул с облегчением. Он давно уже не испытывал к Марине страстной, пламенной любви – может быть, он и раньше не любил ее по-настоящему… Но как бы то ни было, Марина его жена, мать его детей… В глубине души Филипп надеялся, что где-то там, под черным коконом душевной болезни, все еще сохранилась прежняя Марина – доброжелательная и утонченная. Он не пылал к жене безумной страстью, порой хандра Марины бесила его – но, Бог свидетель, Филипп отнюдь не желал ее смерти.

Марина открыла глаза – но, казалось, ничего не видела. Наконец, словно осознав, где она и что с ней, она прошептала:

– Нет…

Филипп сам не ожидал, что это единственное слово вдруг вызовет в нем такое негодование.

– Марина, ты не можешь здесь оставаться! – едва сдерживаясь, произнес он. – Я отнесу тебя в дом.

– Нет!

Гнев Филиппа усилился. Да как она смеет отказываться от его помощи, как смеет убивать себя, забыв о своем долге матери, только из-за того, что сама не имеет вкуса к жизни?!

– Я отнесу тебя домой, – повторил он, довольно грубо подхватывая ее на руки. Теперь, когда она по крайней мере дышала, не было нужды обращаться с ней словно с хрупким цветком.

– Нет… – едва слышно продолжала шептать она. – Не надо… Я не хочу… Прошу тебя…

Холодный февральский воздух насквозь пронизывал Филиппа в его мокрой одежде. Ноги в одних чулках – он так и не обулся – закоченели на обледеневшей земле.

– Я отнесу тебя домой! – заявил он тоном, не терпящим возражений.

– Не надо. Я хочу умереть.

Филипп нес жену домой, и ее последние слова всю дорогу звучали у него в ушах.

«Я хочу умереть».

Эти три слова словно бы выражали всю сущность Марины.

К ночи уже не оставалось сомнений, если крутой обрыв песчаного дна не смог стать причиной смерти Марины, ею стала ледяная вода. Приговор врача – воспаление легких – не оставлял никаких шансов на иной исход.

Принеся жену домой, Филипп в первую очередь с помощью миссис Харли, старой экономки, освободил ее от промокшей, обледеневшей одежды и завернул в стеганое одеяло на гусином пуху, бывшее, между прочим, восемь лет назад частью приданого Марины.

– Что случилось? – спросила миссис Харли, когда хозяин возник на пороге кухни с супругой на руках. Филипп специально не стал входить в дом с парадного входа, боясь столкнуться с детьми, хотя для этого ему пришлось сделать лишние двадцать ярдов.

– Марина упала в озеро, – мрачно изрек он.

Миссис Харли недоверчиво, хотя и вполне сочувственно покосилась на Филиппа, и тот осознал: старая проницательная экономка, конечно же, все поняла. Миссис Харли работала на Крейнов со дня их свадьбы, и душевное состояние хозяйки давно уже не было для нее секретом.

Как только Марина была уложена в постель, миссис Харли, рискуя навлечь гнев хозяина, недвусмысленно прогнала его из спальни. Впрочем, Филипп и сам понимал, что ему тоже необходимо немедленно переменить одежду, если он желает избежать серьезной простуды. Переодевшись, Филипп, однако, вернулся в спальню жены.

Как не хотелось ему возвращаться туда! Как надоели ему капризы жены, перепады ее настроения, которые он безропотно терпел вот уже девятый год… Но ничего не попишешь – долг есть долг.

Филипп провел у постели Марины весь день, щупая ее покрытый испариной лоб, пытаясь уговорить Марину выпить горячий бульон… Когда Филипп понял, что уговорить жену не удастся, он стал пытаться влить ей бульон в рот насильно, но и это было бесполезно: Марина крепко стиснула зубы.

– Ты должна бороться за жизнь! – повторял ей он.

Но Марина не хотела бороться за жизнь, не хотела жить.

Через три дня она умерла.

Филипп понимал, что Марина наконец достигла того, чего хотела, но для него это было слабым утешением. Их с Мариной детям-близнецам было всего по семь лет. Как объяснить им, что мамы больше нет?

Филипп сидел в детской на детском стульчике, слишком маленьком даже для взрослого небольшого роста, не говоря уже о таком крупном мужчине, как он. Тем не менее Филипп сумел каким-то образом на нем поместиться, хотя для этого ему и пришлось согнуться в три погибели. Но не от этого он сейчас чувствовал себя неловко – он с большим трудом заставил себя поднять голову, чтобы встретиться взглядом с детьми.

С трудом подбирая слова, Филипп объявил детям печальную новость.

Притихшие и нахмуренные, близнецы почти не задавали вопросов. Но не молчаливость детей показалась Филиппу самым странным в их реакции, хотя обычно Оливер и Аманда весь день носились по дому словно угорелые, ни на

минуту при этом не закрывая ртов. Больше всего поразило его то, что новость, похоже, не была для близнецов неожиданной.

– Простите меня, – пробормотал Филипп, закончив свою немногословную сбивчивую речь.

– Твоей вины здесь нет, – серьезно произнес Оливер. От пристального, недетского взгляда темных глаз Филиппу стало не по себе. – Ты же не толкал ее, она сама упала в пруд!

Филипп молча кивнул, не зная, как еще ответить. Оливер, наверное, прав: в смерти жены отец не виноват. Но в этот момент Филипп остро чувствовал другую свою вину – перед детьми. Он всегда был недостаточно хорош в роли отца – просто плохо знал, что именно предполагает эта роль. И вот теперь ему предстояло заменить детям еще и мать…

– Теперь мама счастлива? – спросила Аманда.

– Надеюсь, что да, – кивнул Филипп. – Вы должны помнить о том, что теперь она следит за вами с небес, и вести себя хорошо, чтобы она всегда была счастлива.

На минуту, как показалось Филиппу, близнецы задумались над его словами. Стало быть, не все еще потеряно – его авторитет для них что-то значит…

– Я надеюсь, что мама счастлива, – проговорил наконец Оливер. – Может быть, теперь она не будет больше плакать… – По голосу мальчика, однако, чувствовалось, что на самом деле ему верится в это с трудом.

Сердце Филиппа екнуло – до сих пор ему и в голову не приходило, что дети, оказывается, слышали порой рыдания, доносившиеся из материнской спальни. Детская была как раз над спальней, но приступы истерики, как правило, случались у Марины поздно ночью, когда дети, как считал Филипп, уже давно спали.

Аманда тряхнула головой в светлых кудряшках.

– Я рада, что она умерла, – проговорила она, – если теперь она наконец счастлива.

Филипп промолчал. Хорошо ли это – радоваться чьей бы то ни было смерти? Но для Марины, должно быть, не было другого пути перестать быть несчастной.

Оливер и Аманда молчали, глядя в пол. Дети сидели на кровати Оливера, и Филипп обратил внимание, что ноги обоих не достают до пола.

«Как они еще малы… – подумал он. – Или, может быть, просто эти кровати для них велики? Как я раньше этого не замечал? А вдруг кто-то из них ночью свалится с кровати? Надо бы, пожалуй, купить другие, поменьше… Впрочем, вряд ли дети в таком возрасте могут свалиться с кровати. Или все-таки могут?.. Какой я, должно быть, плохой отец – даже этого не знаю…»

Филипп закрыл глаза, словно это могло помочь ему отогнать дурные мысли.

«Должно быть, должно быть… Хватит уже из всего делать проблему – плохой отец, не плохой… Что тебе, в конце концов, мешает просто радоваться жизни? Эдак ты скоро – не дай Бог! – сам станешь, как Марина…»

Филипп открыл глаза и поднялся со стула.

– Ты уходишь? – спросила Аманда, подняв голову.

Филипп посмотрел в ее глаза – небесно-голубые, как у матери, – подошел к дочери и взял ее руки в свои.

– Нет, – негромко проговорил он.

В огромных отцовских ладонях хрупкие детские ручонки казались совсем крошечными. Если бы Филипп мог стать тем сильным, надежным отцом, каким, должно быть, казался своим детям!

– Я никогда не оставлю вас, – словно клятву произнес он. – Мы всегда будем вместе.

Филипп посмотрел в свой бокал с виски. Тот снова был пуст. Филипп готов был поклясться, что наполнял бокал уже минимум четыре раза, но как он пил из него, хоть убей, не мог вспомнить. Не иначе, у него что-то с памятью…

Ну что ж! Филипп, пожалуй, не прочь был бы вовсе потерять память, лишь бы не вспоминать вновь и вновь подробности тех дней. Трудно сказать, какое из воспоминаний было ужаснее: его собственное отчаяние, когда он искал Марину в ледяной воде пруда, или взгляд миссис Харли, когда та спросила: «Ее больше нет?»

Самым ужасным воспоминанием, пожалуй, были взгляды его детей, горе и страх в их глазах…

Филипп поднес бокал к губам, допивая последние капли. Он пообещал тогда детям, что никогда не оставит их, и пока, слава богу, держал это обещание. Но одного лишь факта его физического присутствия рядом с ними недостаточно. Здесь нужен человек, который знал бы, как найти с детьми общий язык, как заставить их быть разумными и послушными…

Филипп не мог найти им другого отца. Но он ведь может найти им новую мать! Пусть он не сможет жениться, пока не закончится срок траура – таковы приличия света! – но что мешает ему начать искать жену уже сейчас?

Филипп нервно поежился в кресле. Да, ему нужна жена. Любая. Она не должна обязательно быть красавицей, знать семьдесят рецептов супов или читать Аристотеля в подлиннике. Главное – чтобы она была веселой. Всего одна улыбка в день, один раскат звонкого, заразительного смеха…

И еще – чтобы она любила детей. Или хотя бы держалась с ними так, чтобы дети поверили, что она их любит.

Неужели желать этого означает требовать от жены слишком много?

– Сэр Филипп?

Филипп обернулся, мысленно ругая себя за то, что не запер дверь. В кабинет заглядывал Майлз Картер.

– Что, Майлз? – спросил Филипп.

– Вам письмо, сэр, – объявил секретарь, направляясь к нему с каким-то конвертом в руке. – Если не ошибаюсь, из Лондона.

Взяв письмо из рук секретаря, Филипп покосился на него. Почерк на конверте был явно женским.

– Благодарю вас, Майлз. Вы свободны.

Молодой человек удалился, и Филипп вскрыл конверт. Внутри оказался всего один листок. Бумага самая лучшая – стало быть, его неведомая корреспондентка либо богата, либо просто не умеет экономить.

Филипп начал читать.

«Сэру Филиппу Крейну.

Примите мои соболезнования по случаю смерти Вашей жены Марины, приходившейся мне кузиной. Несмотря на то что в последний раз мы с Мариной общались много лет назад, я всегда помнила и горячо любила ее, известие о ее смерти потрясло меня.

С радостью откликнусь на Ваше письмо, если Вы пожелаете написать мне. Смею надеяться, что мои слова хоть немного смягчат горечь постигшей Вас утраты.

С искренним уважением,

мисс Элоиза Бриджертон.

Лондон, Брутон-стрит, 5».

Филипп протер глаза, словно не верил им. Бриджертон? Что-то он не припомнит, чтобы у Марины была такая кузина… Но должно быть, и вправду есть, если он держит в руках это письмо…

Филипп вздохнул. После смерти Марины он получил очень мало писем с соболезнованиями – создавалось впечатление, что с тех пор, как Марина вышла замуж, большинство ее родных и друзей напрочь забыли о ее существовании. Впрочем, удивительно ли? Столько лет Марина практически не покидала своей спальни, почти не общалась с собственными мужем и детьми – что уж говорить о знакомых и родственниках? Мудрено ли, что они не часто вспоминали о ней?

Филипп машинально потянулся за пером и бумагой. Нужно ответить этой мисс Бриджертон, как того требует этикет… требует ли? Прожив большую, если не большую часть жизни сельским анахоретом, Филипп не мог похвастаться доскональным знанием великосветского этикета. Но как бы то ни было, мисс Бриджертон наверняка будет рада узнать, что Филипп благодарен ей за соболезнования.

Вздохнув еще раз, Филипп обмакнул перо в чернила.

Глава 1

Май 1824 года

На пути между Лондоном и Глостерширом. Полночь

«Дорогая мисс Бриджертон!

Спасибо Вам за Ваши проникновенные слова соболезнования по поводу кончины моей жены. Было очень любезно с Вашей стороны найти время выразить соболезнования джентльмену, с которым Вы никогда не встречались. В качестве благодарности разрешите презентовать Вам скромный засушенный цветок. Это всего лишь обычный Silene dioica (лихнис красный), но, когда он цветет, поля у нас в Глостершире представляют собой весьма живописное зрелище. К тому же

данный экземпляр примечателен тем, что появился необычно рано для теперешнего времени года. Кроме того, этот цветок был любимым цветком Марины.

Искренне Ваш,

сэр Филипп Крейн».

Элоиза Бриджертон читала это письмо, несмотря на то что единственным освещением в карете был проникавший сквозь окна свет полной луны. Впрочем, она и так знала текст письма почти наизусть. Перечитанный много раз листок был уже основательно потрепан, а цветок – скорее, пожалуй, розовый, чем красный, – сохранялся теперь между страниц толстого фолианта, принадлежавшего брату Элоизы.

Получив это письмо от сэра Филиппа, Элоиза не очень удивилась. Правила хорошего тона требовали от джентльмена ответа на ее соболезнования. Правда, мать Элоизы обычно говорила, что та слишком серьезно относится к своей переписке.

Впрочем, часто писать письма подругам и друзьям для незамужней девушки вполне типично. Элоиза не видела ничего дурного в том, что сама она пишет едва ли не по десятку писем каждый день и получает столько же. Иногда Элоиза любила написать письмо кому-нибудь, с кем не общалась уже много лет – по случаю дня рождения, свадьбы, похорон, в общем, по любому подходящему поводу. Элоизе нравилось представлять себе, как удивится этот человек, получив письмо от дальней родственницы или давней, забытой знакомой.

Вообще говоря, Элоиза сама вряд ли могла бы объяснить, почему она так любит писать письма – от обширных посланий кому-нибудь из братьев или сестер, находящихся в данный момент не в Лондоне, до коротких формальных поздравлений или соболезнований далекой родне.

Откликались на ее письма многие – кто с радостью, потому что был для Элоизы близким другом, кто лишь из вежливости. Но никто еще не додумался вложить в письмо в качестве подарка скромный, но симпатичный полевой цветок.

Элоиза закрыла глаза, и перед ее мысленным взором снова возникли нежно-розовые лепестки. Ей трудно было представить столь хрупкий цветок в руках мужчины. Все четверо братьев Элоизы были крупными, широкоплечими, и в их могучих руках от цветка наверняка мгновенно не осталось бы ничего.

Заинтригованная письмом Филиппа (особенно необычным показалось ей то, что он знает латынь), Элоиза ответила ему следующим образом:

«Дорогой сэр Филипп!

Сердечное спасибо за подарок – цветок Ваш очень мил. Когда он вдруг выпал из конверта, это было для меня приятной неожиданностью и трогательным напоминанием о милой Марине.

Я также была приятно удивлена тем фактом, что Вы упомянули латинское название цветка. Осмелюсь полюбопытствовать: Вы занимаетесь ботаникой?

С уважением,

Элоиза Бриджертон».

Уже отправив письмо, Элоиза вдруг подумала, что было довольно дерзко с ее стороны закончить письмо вопросом – теперь бедный сэр Филипп будет вынужден непременно ответить на него!

И конечно, сэр Филипп не обманул ее ожиданий. Всего лишь через десять дней Элоиза получила ответ:

«Дорогая мисс Бриджертон!

Да, я изучал ботанику в Кембридже, хотя мне так и не удалось стать ученым со степенью. Я провожу эксперименты на растениях исключительно у себя дома, в Ромни-Холле, в оранжерее.

Полюбопытствую, в свою очередь: Вам тоже приходилось изучать какую-нибудь науку?

С уважением,

сэр Филипп Крейн».

Элоиза неожиданно почувствовала, что переписка с сэром Филиппом начинает ей нравиться – может быть, своей необычностью? – Элоиза не могла припомнить случая, чтобы практически незнакомый человек так жаждал вступить с ней в эпистолярный диалог. Как бы то ни было, получив письмо, она ответила почти сразу.

«Дорогой сэр Филипп!

Как говорится, Господь с Вами! – никакой науке мне никогда не приходилось обучаться. Пожалуй, единственным моим научным талантом можно назвать то, что я умею легко складывать в уме многозначные числа. Впрочем, если уж на то пошло, ум у меня скорее гуманитарный – люблю вот общаться с людьми, письма писать…

Ваш искренний друг,

Элоиза Бриджертон».

Когда Элоиза подписывалась так, на нее вдруг нашло сомнение: не слишком ли это смело – навязываться к практически незнакомому мужчине в друзья? Однако сэр Филипп сам, судя по всему, ищет повод продолжить общение – иначе бы не закончил свое письмо вопросом.

Сомнения Элоизы были развеяны через две недели.

«Дорогая мисс Бриджертон!

Я был рад прочесть, что Вы считаете себя моим другом. Живя в сельской глуши, я, к сожалению, не очень избалован человеческим общением – часто даже за обеденный стол садиться мне приходится в полном одиночестве. Не могу не признать, что Ваши любезные письма вносят приятное разнообразие в мою

отшельническую жизнь.

Прошу принять в качестве моего скромного подарка еще один цветок – на этот раз Geranium pratense, более известный как герань луговая.

С глубокой признательностью за Ваше дружеское расположение,

Филипп Крейн».

Элоизе хорошо запомнился тот день. Она тогда просидела в своей спальне, в кресле у окна, должно быть, целую вечность, рассматривая бережно засушенный скромный лиловый цветок. У нее вдруг мелькнула мысль: уж не собирается ли этот сэр Филипп завести с ней роман – на первых порах хотя бы по переписке?

Переписка их продолжалась около года – примерно в том же ключе. Но однажды Элоиза получила письмо, резко отличавшееся от всех предыдущих.

«Дорогая мисс Бриджертон!

Мы с Вами переписываемся уже в течение долгого времени, и, хотя мы ни разу не встречались, мне порою кажется, что я уже давно и хорошо знаю Вас. Надеюсь, что Вы испытываете те же чувства.

Простите мою дерзость, но я осмеливаюсь пригласить Вас в мое имение Ромни-Холл. Надеюсь, что после того, как Вы погостите у меня некоторое время, мы сможем понять, подходим ли мы друг другу, ибо я хотел бы тешить себя надеждой, что Вы сможете стать моей женой.

Уверяю Вас, что в моем доме Вы всегда можете рассчитывать на самый теплый прием. Чтобы Вам не скучать, в качестве компаньонки для Вас я намерен пригласить в Ромни-Холл мою тетю, почтенную вдову.

Смею надеяться, что Вы подумаете над моим предложением.

С уважением,

Филипп Крейн».

Элоиза решила не раздумывать над этим странным предложением. Прочитав письмо, она сразу же убрала его в ящик своего стола. Делать предложение женщине, с которой даже не знаком – можно ли это назвать серьезным?

Но потом Элоиза подумала, что ведь нельзя сказать, будто они с сэром Филиппом совсем не знают друг друга. Более того, за год переписки они сумели узнать друг о друге гораздо больше, чем иные семейные пары за долгую совместную жизнь.

Но как бы то ни было, лично они не встречались ни разу.

Для Элоизы это предложение руки и сердца было далеко не первым. Честно говоря, она даже не была уверена, что может с точностью сказать, сколько их было – кажется, шесть… Элоиза отвергла их все, хотя и сама не могла бы объяснить, по какой, собственно, причине. Должно быть, просто потому, что они… как бы это сказать…

Элоиза наконец нашла подходящее слово. Претенденты на ее руку не были идеальны.

Многие, возможно, упрекнули бы ее за то, что она, будучи уже не в очень юном возрасте, продолжает ждать прекрасного принца. Но ведь так хочется, чтобы…

Впрочем, Элоиза считала, что ее требования, если разобраться, не столь уж велики. Ей вовсе не нужен был неземной, идеальный мужчина – пусть он будет идеальным только для нее.

Элоиза жила не в безвоздушном пространстве – она отлично знала, о чем судачат все эти светские кумушки за ее спиной. «Что она о себе воображает? Не боится остаться старой девой?» Правда, ее уже можно было назвать старой девой. Двадцать восемь лет – возраст далеко не юный. Элоиза даже успела привыкнуть к подобным репликам за спиной – а иной раз и прямо в глаза.

Но Элоиза не унывала. Во всяком случае, до последнего времени.

Кто, собственно, сказал, что ей не суждено встретить того, единственного… Надо только набраться терпения и ждать – а пока просто наслаждаться жизнью. Почему бы, в конце концов, не радоваться жизни, когда у тебя такая замечательная семья и столько братьев и сестер, которых родители называли последовательно по буквам алфавита. Элоиза была пятым по счету ребенком, и ей досталась буква «Э»; за ней шли еще трое. Мать Элоизы была замечательной женщиной, единственным недостатком которой, пожалуй, было то, что она все время пилила дочь, убеждая ее в необходимости выйти замуж – впрочем, в последнее время она, похоже, смирилась с существующим положением. Статус Элоизы в обществе по-прежнему был высоким – все уважали Бриджертонов, а кое-кто, пожалуй, даже побаивался. Правда, последнее относилось исключительно к Бриджертонам-мужчинам – Элоиза считала, что уж она-то любима всеми. Общаясь с этой легкой, веселой девушкой, ее друзья меньше всего думали о том, что эта пташка уже засиделась в девицах.

По крайней мере так было до последнего времени.

Элоиза вздохнула, почувствовав себя вдруг так, словно ей было не двадцать восемь, а гораздо больше. В последнее время она почему-то стала замечать, что на нее все чаще и чаще находят приступы грусти. Неужели все эти старые матроны правы и ей суждено остаться старой девой? Может быть, она просто слишком разборчива? Подумав, Элоиза решила, что дело совсем не в этом. Просто перед ней слишком живо стоят примеры ее женатых братьев и замужней сестры – все эти браки были заключены по страстной, пламенной любви, не всегда, впрочем, декларируемой – в свете не принято выставлять свои чувства напоказ, но Элоиза-то знала! Знала – и завидовала братьям и сестре белой завистью, терпеливо ожидая, когда сама встретит подобную любовь.

Впрочем, это не обязательно должна быть безумная, бурная любовь. Слепая любовь – это даже, может быть, и не всегда хорошо… Достаточно простой человеческой близости, взаимного уважения и понимания.

Но объяснить все это другим Элоизе было сложно. С матерью говорить было просто бесполезно: та твердила лишь одно: «Ты должна выйти замуж!» – и больше ничего не хотела знать и понимать. Разговор с братьями, пожалуй, тоже мало чем мог помочь. Старший, Энтони, скорее всего попробовал бы решить проблему в лоб – нашел бы более или менее подходящего, с его точки зрения,

кандидата и стал бы уговаривать беднягу жениться на его сестре. Бенедикт был человеком непрактичным, жил в каком-то своем, вымышленном мире, к тому же в последнее время не часто наведывался в Лондон, предпочитая столичной суете романтическое уединение тихого поместья. Колин же – это, как говорится, особая статья…

Лучше всего, пожалуй, поняла бы ее Дафна. Но каждый раз, когда Элоиза навещала сестру, та была слишком занята своим семейным счастьем и четырьмя очаровательными малютками, чтобы вникать в чужие проблемы. Франческа же и вовсе жила за тридевять земель отсюда – в Шотландии. К тому же проблемы Элоизы наверняка показались бы ей пустыми по сравнению с ее собственной бедой: Франческа недавно овдовела – и это в двадцать три года! Элоиза и сама чувствовала, что не вправе тревожить безутешную вдову по таким пустякам.

Может быть, именно поэтому переписка с сэром Филиппом так увлекла Элоизу – было в ней, в этой переписке, что-то невинно-грешное… Может же, в конце концов, быть у женщины хотя бы один маленький секрет! Однако в такой большой, шумной семье трудно было подолгу хранить секреты. Одна Хайасинт – младшая сестра Элоизы – могла дать сто очков вперед любому из шпионов его величества.

Впрочем, до сих пор Элоизе, похоже, удавалось скрывать от родных свою переписку с сэром Филиппом. Пачка его писем, перевязанная розовой шелковой лентой, надежно скрывалась под кучей других бумаг в ее столе.

Сэр Филипп был ее маленькой тайной. И поскольку до сих пор Элоиза ни разу не встречалась с ним лично, она могла рисовать в уме любой мужской образ, словно облекая то немногое, что удавалось ей узнать о нем из писем, в плоть. Если на свете когда-либо и существовал идеальный мужчина, то это был сэр Филипп – не реальный, а такой, каким рисовало его Элоизе ее воображение.

И вот теперь он хочет встретиться с ней… Встретиться?! Да что он, с ума сошел?

«Нет, – сразу твердо решила она, – никуда я не поеду!» Встреча с сэром Филиппом из плоти и крови могла лишь испортить их идеальный платонический роман.

Так Элоиза решила, получив то письмо. И пребывала бы, пожалуй, в этом своем решении, если бы вдруг не произошло одно совершенно невероятное событие.

Пенелопа Физерингтон, самая близкая подруга Элоизы на протяжении вот уже, наверное, двенадцати лет, вдруг вышла замуж. Но это было еще не самым неожиданным. Пенелопа вышла замуж за Колина – брата Элоизы! Если бы луна вдруг свалилась с неба и приземлилась прямо в ее саду, Элоиза и то бы, пожалуй, удивилась меньше.

Нет, конечно, она была рада за подругу – искренне рада… Как, впрочем, и за Колина. Для Элоизы эти двое всегда были самыми близкими на свете людьми, и, если они решили соединить свои судьбы, можно было только радоваться за них. И Колин, и Пенелопа вполне заслуживали того, чтобы быть счастливыми. Но почему-то после их свадьбы Элоиза вдруг начала все чаще ощущать какую-то отчаянную, щемящую пустоту…

Раньше, если Элоиза и задумывалась о том, что ей с ее разборчивостью грозит опасность навсегда остаться старой девой, перед ее мысленным взором вставал пример другой «старой девы» – Пенелопы. Пенелопа была ее ровесницей, и Элоиза могла утешаться тем, что она по крайней мере не одна такая – хотя и нехорошо, конечно, утешаться переживаниями подруги. Бог свидетель, Элоизе искренне хотелось, чтобы Пенелопа нашла наконец себе мужа, но шансов у той, казалось, не было никаких. Элоиза знала, что ее подруга и добра, и умна, и остроумна… но все же она была не той девушкой, на которую мужчины из высшего света обращают внимание. Если самой Элоизе предложение делали уже шесть раз, то бедняжке Пенелопе – ни одного. Мужчины словно вовсе не замечали ее.

Поразмыслив, Элоиза была вынуждена признаться себе, что она, пожалуй, лукавила, когда пыталась уверить себя, что мечтает о замужестве подруги. В глубине души ей все-таки хотелось, чтобы Пенелопа подольше оставалась для нее тем, чем была – самой лучшей подругой и товарищем по одиночеству.

Более того, эгоизм Элоизы простирался даже настолько, что ей никогда не приходило в голову задуматься, как же будет чувствовать себя подруга, когда она, Элоиза, выйдет замуж (конечно, Элоиза ничуть не сомневалась, что скорее произойдет это, чем свадьба Пенелопы).

Но судьба распорядилась иначе. И как ни радовалась Элоиза за подругу и брата, считая их идеальной парой, ее не покидало пронзительное чувство одиночества. Одиночество среди большой, любящей семьи, в огромном, шумном Лондоне…

«Самое большое одиночество, – вспомнилось Элоизе чье-то изречение, – то, которое человек испытывает порой среди шумной толпы или в кругу самых, казалось бы, близких людей…»

Странное и смелое предложение сэра Филиппа, ожидающее своего часа среди других его писем в шкатулке, которую Элоиза специально купила, чтобы запрятать эти письма подальше от самой себя, уже почти забытое, вдруг словно предстало перед ней в новом свете.

День ото дня все нестерпимее становилась для Элоизы ставшая почти уже привычной ее одинокая жизнь – и все заманчивее казалось ей предложение сэра Филиппа.

И вот после того, как Элоиза однажды хотела проведать Пенелопу, но открывший ей дверь дворецкий заявил, что, к сожалению, мистер и миссис Бриджертоны не могут сейчас ее принять (причем тон дворецкого не оставлял сомнений в том, что являлось причиной), решение было принято. Пора наконец не ждать милостей от судьбы, а самой взяться за вожжи! Что толку посещать бал за балом, ожидая, когда перед тобой вдруг материализуется твой прекрасный принц? Ведь за целых десять лет поездок на эти самые балы уже можно было перевидать всех здешних мужчин, среди которых так и не нашлось ни одного достойного кандидата!

В конце-то концов, ее вовсе не принуждают выходить замуж за этого самого сэра Филиппа! Съездить посмотреть, подходит ли он ей – это ведь ни к чему не обязывает… А вдруг? Чем черт не шутит?..

Элоиза знала, что серьезные решения даются ей нелегко, но, если уж решение принято, ничто на свете не может ее остановить. К своей цели Элоиза шла решительно и упорно. Пенелопа однажды сравнила ее с собакой, которая если вцепится в кость, то ни за что ее не отдаст. А Пенелопе можно было верить: ее суждения о людях всегда бывали безошибочны.

Элоиза знала, что теперь, чтобы остановить ее, не хватит и объединенных усилий всего многочисленного семейства Бриджертонов, а Бриджертоны – могучая сила, если объединятся. Можно было считать счастьем Элоизы – и почти чудом, – что до сих пор ее желания никогда не шли вразрез с желаниями ее семьи, во всяком случае, в серьезных вопросах.

Элоиза знала, что семья вряд ли поддержит ее решение отправиться в гости к мужчине, с которым она до этого ни разу не встречалась. Энтони скорее всего потребует, чтобы сэр Филипп сам приехал в Лондон и встретился со всей семьей, а такой «сценарий» наверняка отпугнул бы любого потенциального жениха. Те, кто до сих пор делал Элоизе предложения, по крайней мере более или менее знали, в какую семью им предстояло бы войти. Для бедняги сэра Филиппа это было полнейшей неизвестностью, тем более что он, если верить его письмам, в последний раз появлялся в лондонском свете, когда был еще школьником.

Так что единственно возможным решением для Элоизы было самой отправиться в Глостершир и – к такому выводу она пришла после нескольких дней размышлений – в тайне от всех. Если бы родные пронюхали об ее планах, они наверняка были бы не в восторге. Элоиза была девушкой упорной и знала, что в конце концов все равно добилась бы своего, но зачем лишние сложности? Не говоря уже о том, что, даже разрешив ей ехать, родные наверняка навязали бы ей парочку каких-нибудь компаньонок, что было Элоизе совершенно ни к чему.

Элоиза нервно передернула плечами. Компаньонками скорее всего стали бы ее мать и Хайасинт. Попробуй влюбись, когда за тобой неотступно следит эта парочка!

Для побега лучше всего было воспользоваться балом, который в скором времени должен был состояться у Дафны. Бал предстоял грандиозный, гостей ожидались целые толпы. Если уж бежать, то проще всего это будет сделать посреди шума и всеобщей суматохи. Тогда ее исчезновение заметят, может быть, не раньше чем часов через шесть. Мать всегда требовала, чтобы на бал семья приходила без опозданий, даже заранее – значит, она, Элоиза, должна быть у Дафны самое позднее в восемь. Так как бал продлится до самого утра, то, если ей удастся улизнуть пораньше, ее исчезновения, возможно, никто до утра и не заметит. А когда заметят, она уже будет на полпути к Глостерширу.

Осуществить план Элоизе удалось до невероятного просто. В тот момент, когда внимание всех было приковано к Колину – он собирался сделать какое-то

грандиозное заявление, – Элоиза, извинившись, удалилась. Никто не придал этому значения, решив, что ей, должно быть, просто понадобилось посетить дамскую комнату. На самом же деле Элоиза направилась домой (благо до дома было недалеко), чтобы забрать из сада предварительно спрятанные там сумки с вещами. После этого ей осталось лишь завернуть за угол, где ее ждал заранее нанятый экипаж.

«Черт побери, – думала девушка, садясь в карету, – знать бы, что осуществить побег так легко, я бы сделала это еще много лет назад!»

И вот теперь Элоиза ехала одна навстречу неизвестности, прихватив с собой лишь несколько платьев на смену и пачку писем от джентльмена, с которым никогда не встречалась, но женой которого ей, возможно, предстояло стать.

Это приключение было захватывающим и пугающим одновременно.

Возможно, то было просто глупостью – самой большой глупостью, которую ей когда-либо приходилось совершать. А Элоиза привыкла считать себя здравомыслящей девушкой, не склонной к сомнительным авантюрам.

Но – кто знает? – может быть, не всегда надо смотреть на вещи трезво…

Элоиза поморщилась. Что пользы гадать, что ее ждет? Получится – так получится, нет – она ничем не обязана сэру Филиппу и имеет право в любой момент извиниться и покинуть его гостеприимный дом.

Элоиза попыталась вспомнить все, что ей удалось узнать о сэре Филиппе за год их переписки – выходило, что не так уж и мало.

Филиппу тридцать лет – он на два года старше ее.

Одно время он изучал ботанику в Кембридже.

Восемь лет он был женат на Марине, ее четвероюродной сестре. Значит, женился он на ней в двадцать один год.

Он шатен.

Все зубы у него свои.

Он баронет.

Он живет в поместье Ромни-Холл; у него большой каменный дом восемнадцатого века в окрестностях Тетбери, в Глостершире.

Он любит поэзию и читает научные трактаты. Романы и философские трактаты он не любит.

Ему нравится дождливая погода.

Его любимый цвет – зеленый.

Он никогда не был за пределами Англии.

Он не любит рыбу.

Элоиза вдруг нервно усмехнулась. Он не любит рыбу – надо же, она знает о нем и это! Если тебе известны наперед даже кулинарные привычки мужчины, самый резон выходить за него замуж!

А что сэр Филипп знает о ней такого, что вдруг заставило его сделать предложение практически незнакомой девушке? Элоиза попыталась вспомнить все, что ей когда-либо приходилось сообщать сэру Филиппу о себе.

Ей двадцать восемь лет.

У нее каштановые волосы. Все зубы – свои.

У нее серые глаза.

У Элоизы большая, дружная семья.

Один из ее братьев – виконт.

Ее отец умер, когда она была еще ребенком. Трудно поверить, но причиной его смерти был укус шмеля.

Она очень болтлива («Господи, и зачем я написала ему об этом?!»).

Она любит читать стихи и романы, но никак не научные – не говоря уже, избави бог, о философских! – трактаты.

Она никогда не была за пределами Англии, если не считать Шотландии.

Ее любимый цвет – темно-красный.

Она не любит баранину и терпеть не может кровяную колбасу.

Снова нервный смешок сорвался с губ Элоизы. Нечего сказать, прекрасную невесту представляла она собой!

Элоиза выглянула в окно, словно могла определить, где именно она в данный момент находится.

За окном тянулись бесконечные зеленые холмы. Подобный пейзаж можно наблюдать практически в любой точке старой доброй Англии.

Сложив письмо сэра Филиппа вчетверо, Элоиза снова засунула его под ленту, в общую пачку, а пачку убрала в сумочку. С минуту она сидела задумавшись, нервно барабаня пальцами по коленям.

Да и было отчего нервничать. Элоиза покинула родимый дом, привычный быт. Ей предстояло проехать едва ли не пол-Англии. И ни одна живая душа, кроме самой Элоизы, об этом не знала.

Даже сам сэр Филипп.

Элоиза так спешно покинула Лондон, что даже не удосужилась предупредить Филиппа, что едет. Не то чтобы она забыла написать ему письмо – просто почему-то все откладывала его написание, пока уже не стало поздно.

Была, правда, и еще одна причина… Если бы Элоиза предупредила сэра Филиппа, что едет к нему, то уже не могла бы отказаться от своего плана – это было бы невежливо. А так она в любой момент еще может передумать и повернуть обратно… Элоиза пыталась уверить себя, что поступила так потому, что в любой ситуации любит оставлять за собой право выбора окончательного варианта. Однако в глубине души она понимала, что причина не в этом: на самом деле ее просто немного пугала неизвестность.

Отъезжая все дальше и дальше от Лондона, Элоиза пыталась уверить себя, что сэр Филипп не обидится, если она явится без предупреждения. Разве не сам он пригласил ее погостить у него?

Филипп встал с постели и, подойдя к окну, раздвинул шторы. За окном смеялся новый – ясный и солнечный – день.

Ясный и солнечный…

Направившись в смежную с его спальней комнату, Филипп обнаружил там свою одежду, тщательно вычищенную и отглаженную слугами. Филипп распорядился, чтобы его одежду оставляли в этой комнате: после смерти Марины он не любил – хотя сам не мог бы объяснить почему, – чтобы слуги входили в спальню, нарушая его сон.

Филипп даже уволил Майлза Картера, хотя этот малый, казалось бы, делал все, чтобы после смерти жены стать Филиппу настоящим другом. Но почему-то все искренние попытки Майлза утешить хозяина приобретали обратное действие, и в конце концов Филипп решил расстаться со своим секретарем, снабдив его платой за полгода вперед и отличным рекомендательным письмом.

После смерти жены Филипп сильно изменился. Раньше он, бывало, остро чувствовал отсутствие необходимого ему собеседника, поскольку Марина чаще всего находилась в невменяемом состоянии. Теперь же Филипп, напротив, замкнулся в себе и не хотел никого видеть.

Порой Филиппа беспокоило, что такое состояние не совсем нормально, и, чтобы избавиться от этого, он пытался завязать хоть какой-то контакт с миром, лежащим за стенами его дома. Поэтому, получив письмо с соболезнованиями от

некой мисс Элоизы Бриджертон, он словно ухватился за ниточку, связывающую его с таинственной незнакомкой из внешнего мира. Ответ на письмо мисс Бриджертон, в свою очередь, повлек ее ответ… и так продолжалось полгода, пока Филипп наконец не осмелел настолько, что решился сделать своей корреспондентке не то чтобы предложение, но нечто очень близкое к тому. Ответом была тишина, длящаяся вот уже целый месяц, особенно угнетающая его потому, что раньше Элоиза отвечала на его письма с завидной аккуратностью. Неужели он слишком поспешил?

Филипп нахмурился. Загадочная незнакомка Элоиза Бриджертон была, если разобраться, не такой уж и загадочной: из ее писем у Филиппа сложился образ открытой, бесхитростной и какой-то очень солнечной девушки. После вечно пребывающей в меланхолии Марины такая жена стала бы для него настоящим лучом света.

Филипп натянул грубоватую холщовую рубаху – этот день он собирался провести в оранжерее, с головой погрузившись в работу, а следовательно, не было смысла одеваться иначе. Но как ни пытался Филипп сосредоточиться на мыслях о растениях и семенах, в голову упорно лезло другое. Почему все-таки эта Элоиза стала отдаляться от него? Уж не испугал ли он ее? А жаль, черт побери – лучшей кандидатки в жены Филипп не мог себе и представить. Впрочем, он заботится даже не о себе – детям срочно нужна мать, а то ему не всегда удается справляться с ними…

Филипп снова вздохнул. Эх, вот в этом-то и загвоздка… Какая женщина, взглянув хотя бы раз на этих маленьких монстров, согласится стать для них нянькой на всю жизнь – или по крайней мере до тех пор, пока они не повзрослеют.

Мисс Бриджертон двадцать восемь лет, и, судя по всему, она не замужем. Возможно, она уже отчаялась найти мужа, если переписывалась целый год с практически незнакомым мужчиной. А почему он ей, собственно, не пара? У него обширное поместье, он далеко не беден, и ему всего тридцать лет. Неужели ей этого недостаточно?

Ругаясь себе под нос, Филипп натянул шерстяные брюки, в которых обычно работал. Стало быть, мисс Бриджертон нужен лучший муж, если она не сочла Филиппа достойным даже того, чтобы отказать ему в письме…

Ба-бах!!!

Филипп с недоумением посмотрел на потолок. Откуда этот грохот? Несмотря на то что дому уже больше ста лет, он еще очень прочный… Дети, должно быть, уронили (а скорее всего нарочно бросили) нечто уж очень тяжелое, если заставили сотрясаться такой мощный потолок!

Ба-бах!!!

Новый грохот был еще громче прежнего. Но почему, собственно, он должен беспокоиться? Что бы там ни вытворяли дети, няня наверняка сейчас с ними, и приструнить их – ее обязанность. Иначе за что же он ей платит? А он уже через минуту наденет ботинки и выйдет из дома, и совесть его будет чиста, словно он ничего и не слышал – кто сможет сказать, раньше или позже он покинул дом, чем раздался грохот? С глаз долой – из сердца вон!

Никогда еще, наверное, Филипп не надевал ботинки столь быстро. Через минуту он уже сбегал по лестнице словно ошпаренный.

– Сэр Филипп! Сэр Филипп!

Черт побери! Дворецкий! Филипп сделал вид, что не слышит.

– Сэр Филипп!

– Проклятье! – пробормотал он себе под нос. Но не отвечать было невозможно, иначе слуги, чего доброго, решат, что хозяин оглох.

– В чем дело, Ганнинг? – проворчал Филипп, оборачиваясь. – Пожар?

– Вас желает видеть дама, сэр, – кашлянув, проговорил тот.

– Дама? – растерянно повторил Филипп. – Так это она здесь… э-э-э…

– Грохочет? – пришел ему на помощь Ганнинг.

– Да.

– Никак нет, это дети, сэр.

– Кто бы сомневался! – фыркнул Филипп. – Кто еще может так грохотать?

– Надеюсь, они ничего не сломали, сэр.

– Хотелось бы надеяться, но это было бы чудом.

– Вас желает видеть дама, сэр, – напомнил дворецкий.

Филипп нахмурился. Как ему казалось, он никого сегодня не ждал. Кого еще черт принес в столь ранний час?

Ганнинг попробовал улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Удивлены, сэр? Разве у нас никогда не было посетителей?

Ганнинг служил в доме с незапамятных времен – еще задолго до рождения Филиппа – и привык обращаться с молодым барином почти запанибрата, как и большинство старых дворецких. Филипп давно привык к этому и уже не тешил себя надеждой что-либо изменить.

– Кто эта дама? – спросил он.

– Не знаю, сэр.

– Не знаете?

– Я не спрашивал, кто она такая, сэр.

– Не кажется ли вам, Ганнинг, что это входит в обязанности дворецкого?

– Спрашивать у гостей, кто они такие?

– Да.

«Пошли мне, Господи, терпения – еще пара минут подобного диалога, и меня хватит удар!»

– Я думал, – невозмутимо заявил тот, – вы сами выясните у нее это, сэр.

– Вы всерьез так думали, Ганнинг? – Филиппу казалось, что его покидают последние силы.

– В конце концов, она желает видеть вас, а не меня, сэр!

Такая вольность со стороны дворецкого уже граничила с бунтом.

– Ганнинг, – стараясь не терять самообладания, проговорил Филипп, – все наши гости до сих пор желали видеть меня, а не вас. Но это не значит, что вы должны пренебрегать своими обязанностями.

– Вообще-то…

– Ладно, Ганнинг, хватит! – обреченно махнул рукой Филипп.

– Вообще-то в последнее время к нам никто не ездит, сэр. – Всем своим видом Ганнинг давал понять, что в их словесной битве победил именно он.

Филипп хотел было возразить, что к ним все-таки ездят, раз эта таинственная дама, к примеру, приехала, но препираться с Ганнингом не было смысла.

– Где она? – спросил Филипп.

– Я проводил ее в гостиную, сэр.

– Хорошо, – устало произнес Филипп, – я иду туда.

Лицо дворецкого вдруг ни с того ни с сего расплылось в улыбке. Филипп удивленно взглянул на него:

– С вами все в порядке, Ганнинг?

– Вроде бы да, сэр. А что?

– Да так, ничего, – пробормотал Филипп. Сказать Ганнингу, что его улыбка напоминает лошадиную, было бы все-таки не очень тактично.

Ворча себе под нос, Филипп направился в гостиную. Кого еще черт принес в эту пору?

Ганнинг был прав: вот уже год, как к ним никто не ездит. Все дальние и ближние родственники, друзья и соседи, кажется, давно уже выразили Филиппу свои соболезнования и теперь не спешили с новыми визитами. Филипп не осуждал их. Так, последняя гостья, почтенная леди Уинслет, перемазала себе все платье, усевшись на кресло, которое Оливер и Аманда перед тем вымазали земляничным вареньем. После этого у бедняги, должно быть, надолго пропало желание посещать Ромни-Холл. Так что вряд ли это она сейчас приехала. Да и Ганнинг бы ее узнал.

Все еще ругаясь про себя, Филипп раскрыл дверь гостиной – да так и замер на пороге.

Ганнинг предупредил его, что нежданный посетитель – дама. Но Филипп почему-то представлял себе какую-нибудь почтенную матрону, в крайнем случае особу средних лет.

Женщине же, представшей перед ним, судя по виду, не было и тридцати. Прелестные каштановые волосы, милое, доброе лицо… и огромные серые глаза.

Филипп давно уже перестал сходить с ума от одного вида красивых девушек – долгие годы несчастливого супружества способны отбить интерес к женщинам у кого угодно, да и сам он уже не юноша… Но сейчас Филипп чувствовал, что тонет в этих огромных серых глазах.

Несмотря ни на что. Даже на то, что слово «тонуть» должно бы по идее вызвать у него тяжелые воспоминания.

Глава 2

…и тогда – что, впрочем, вряд ли покажется тебе удивительным – меня словно прорвало. Я болтала без умолку, к тому же, насколько мне помнится, с огромной скоростью. Я знаю, что когда я волнуюсь, то начинаю болтать без умолку – и не могу ничего с собой поделать. Остается лишь надеяться, что в жизни мне не часто придется попадать в ситуации, где я буду так волноваться – иначе я рискую в один далеко не прекрасный день наговорить что-нибудь такое, чего потом уже не исправишь.

Из письма Элоизы Бриджертон своему брату Колину, в котором она рассказывает о своем первом выходе в свет.

И тут гостья заговорила:

– Сэр Филипп? – И не успел он даже кивнуть, продолжала с невероятной скоростью: – Простите, что я явилась, не предупредив, но так получилось, к тому же если бы я послала письмо, оно наверняка бы пришло уже после моего приезда – сами знаете, как плохо у нас работает почта! – согласитесь, что тогда письмо уже было бы ни к чему…

Филипп заморгал, словно сыч, не в силах уследить за речью своей гостьи – та тараторила так быстро, что даже, казалось, не делала промежутков между словами.

– … долгий путь, к тому же всю ночь не спала, так что, надеюсь, вы меня простите, если я…

Филипп почувствовал, что у него начинает кружиться голова. Может быть, ему стоит присесть? Но не будет ли это невежливым?

– … с собой я взяла немного, но выбора у меня не было, и…

Речь гостьи продолжалась уже, должно быть, минут пять, а все еще не было видно конца даже первому ее предложению! Кончиться это могло только одним из двух – либо Филипп оглохнет, либо сама девица, захлебнувшись собственной речью, упадет в обморок.

– Послушайте, мисс… – робко начал он.

Но если мисс и слышала его, то не обратила на это ни малейшего внимания, продолжая тараторить что-то об извозчике, который, если только Филипп ее правильно понял, довез ее до самого его дома.

– Мисс! – повторил он уже громче.

– … и поэтому я… – Огромные серые глаза вдруг удивленно заморгали, словно их обладательница лишь сейчас заметила Филиппа. – Да, сэр?

Филипп уже успел забыть, о чем он собирался ее спросить.

– Э-э-э… кто вы, мисс? – с трудом выдавил он из себя.

С минуту красотка удивленно смотрела на него.

– Элоиза Бриджертон, – проговорила наконец она. – Кто же еще?

Элоиза отлично понимала, что говорит слишком много и слишком быстро, но не могла ничего с собой поделать – когда она волновалась (а сейчас она не могла не признать, что волнуется), ей нужно было выговориться, чтобы выплеснуть свои эмоции. К тому же сэр Филипп – если огромный, напоминающий медведя мужчина, стоящий сейчас перед ней, и был сэр Филипп – оказался совсем не таким, каким Элоиза его себе представляла.

– Вы Элоиза Бриджертон? – переспросил мужчина.

Элоиза посмотрела прямо в его изумленно округлившиеся темные глаза.

– Именно так, – подтвердила она довольно сердито. – Кто же еще?

– Простите, – пробормотал мужчина, – я вас не ждал.

– Если мне не изменяет память, вы сами меня приглашали!

– Если мне не изменяет память, на мое приглашение вы ничем не ответили.

Элоиза помолчала – нельзя было не признать, что сэр Филипп в чем-то прав.

– Прошу извинить – у меня не было времени, сэр. – Заметив его взгляд, словно говоривший «Это не оправдание!», Элоиза поспешила добавить: – Я, кажется, уже упомянула об этом…

Филипп продолжал так смотреть на нее, что Элоизе стало немного не по себе.

– Я не понял ни слова из того, что вы говорили, мисс, – заявил он.

Элоиза почувствовала, как округляется от удивления ее рот.

– Вы хотя бы слушали меня, сэр? – спросила она, дивясь собственной наглости.

– Пытался, – тем же тоном произнес он.

Элоиза закусила губу и сосчитала в уме до пяти.

– Прошу извинить меня, сэр, – потупившись, проговорила она. – Являться без приглашения действительно невежливо.

С минуту Филипп тоже молчал.

– Я принимаю ваши извинения, мисс, – объявил он наконец.

Элоиза откашлялась.

– И разумеется, – продолжил он, – я рад вас видеть.

От взгляда Элоизы, однако, не укрылось, что сэр Филипп лихорадочно оглядывается вокруг, словно собирается воскликнуть: «Кто-нибудь, ради всего святого, спасите меня от этой девицы!» Показать ему, что она это заметила, было бы, разумеется, бестактно. Но сказать в ответ что-то надо. Только вот что? Элоиза, которая, как ей самой казалось, никогда не лезла за словом в карман, застыла в нерешительности, устремив взгляд почему-то на правую щеку сэра Филиппа.

Почувствовал ли он ее смятение или сказал это, желая избавиться от собственной нерешительности, только фраза сэра Филиппа прозвучала так:

– Это весь ваш багаж, мисс?

Порадовавшись в душе, что нашлась хоть какая-то тема для беседы (когда не знаешь, что сказать, лучше всего вести разговор о каких-нибудь незначительных вещах), Элоиза начала:

– Да, сэр. Видите ли, дело в том, что я…

Она вдруг осеклась. Стоит ли говорить сэру Филиппу, что она сбежала из дома посреди ночи, ничего никому не сказав? После такого заявления у него наверняка сложится не лучшее мнение о ней – и о ее семье. Элоиза сама не знала, почему, но почему-то ей казалось, что сэр Филипп будет не в восторге, когда узнает, что она убежала из дому, никого не спросясь. Скорее всего он сразу же отправит ее обратно в Лондон. А Элоиза, несмотря на то что Филипп оказался совсем не тем романтичным мужчиной, какого рисовало ей ее воображение, вовсе не собиралась сдаваться. Не говоря уже о том, что если даже побег ее следует считать глупым поступком, возвращение будет выглядеть еще глупее.

– Да, это весь мой багаж, – кивнула она.

– Хорошо. Я… э-э-э… – Сэр Филипп снова начал лихорадочно оглядываться вокруг. На лице его читалось отчаяние, что Элоизе совсем не нравилось. – Ганнинг! – выпалил наконец он.

– Я здесь, сэр! – Дворецкий появился так быстро, что у Элоизы возникло подозрение, что он их подслушивал.

– Ганнинг… э-э-э… будьте любезны, приготовьте комнату для мисс Бриджертон!

– Я уже приготовил ее, сэр, – заявил тот.

Щеки Филиппа слегка порозовели.

– Благодарю вас, Ганнинг, – пробормотал он. – Мисс Бриджертон пробудет здесь… – Он выжидающе посмотрел на Элоизу.

– Две недели, – проговорила она, решив, что такой срок будет оптимальным.

– Две недели, – повторил Филипп, словно дворецкому требовался переводчик. – Постарайтесь, Ганнинг, чтобы она чувствовала себя здесь как дома.

– Разумеется, сэр! – кивнул тот.

– Что ж, отлично. – Элоизе показалось, что сэр Филипп чувствует себя как бы не в своей тарелке, а возможно, просто утомленным. Последнее, пожалуй, было даже еще хуже.

«И это в присутствии женщины, на которой он подумывает жениться!» – недовольно подумала Элоиза. Может быть, первое впечатление и обманчиво, но пока что прием, который оказывал ей сэр Филипп, не предвещал ничего хорошего.

Элоиза сдержанно улыбнулась ему.

– Не желаете ли присесть, мисс Бриджертон? – спросил Филипп.

– Спасибо, сэр, вы очень любезны.

Филипп уже в который раз растерянно огляделся вокруг, словно сам плохо ориентировался в собственном доме.

– Сюда, пожалуйста, – пробормотал он, указывая Элоизе на какую-то дверь.

Ганнинг кашлянул.

Филипп обернулся к нему.

– Не хотите ли чем-нибудь подкрепиться, сэр? – спросил дворецкий.

– М-м-м… да, конечно… Конечно, Ганнинг, да…

– Может быть, чай с горячими булочками, сэр? – предложил тот.

– Прекрасно! – кивнул Филипп.

– А может, – продолжал дворецкий, – мисс Бриджертон предпочитает более плотный завтрак?

Филипп покосился на Элоизу.

– Спасибо, я обойдусь булочками, – проговорила она, хотя вообще-то не отказалась бы и от более плотного завтрака.

Взяв Элоизу под руку, сэр Филипп провел ее в соседнюю комнату и усадил на диван, обитый голубым в тонкую полоску шелком. Элоиза обратила внимание, что комната весьма аккуратно убрана, но мебель довольно потерта и, пожалуй, нуждается в замене. У Элоизы сложилось впечатление, что либо у хозяина какие-то денежные проблемы, либо ему просто безразлично, какое впечатление производит его жилище.

«Скорее последнее», – решила она. Сэр Филипп не производил впечатления бедного человека. Приехав очень рано и выжидая, когда хозяин поместья соизволит проснуться, Элоиза прогулялась по парку, зашла в оранжерею… За растениями в своих владениях сэр Филипп, судя по всему, следил очень тщательно. Что, впрочем, не было удивительным, раз он ботаник. Просто, видимо, он, как и многие люди, одержимые наукой, не обращает внимания на внешнюю мишуру.

Однако женская рука в хозяйстве здесь наверняка не помешала бы.

Усевшись, Элоиза смотрела, как Филипп, согнувшись в три погибели, садится в кресло, изготовленное в свое время для человека явно другой комплекции, нежели его теперешний владелец.

Филипп явно чувствовал себя в этом кресле неуютно. Похоже, ему хотелось крепко выругаться, но присутствие дамы сдерживало его. Элоиза сочувственно посмотрела на него, но тут же подумала, что он сам виноват, до сих пор не позаботившись сменить кресло на другое, более удобное.

Элоиза дружески улыбнулась Филиппу, ожидая, что тот начнет разговор первым.

Филипп откашлялся.

Элоиза наклонилась вперед.

Филипп снова откашлялся.

Элоиза откашлялась в ответ.

Филипп откашлялся в третий раз.

– Не хотите ли чаю? – произнесла наконец Элоиза.

– С удовольствием, мисс, – проговорил он.

Элоиза хотела было что-то ответить, но тут сообразила, что находится в чужом доме, и вообще-то чай должен бы предлагать хозяин. К тому же он уже его предложил.

– Я думаю, чай скоро принесут, – заметила она исключительно для того, чтобы хоть что-то сказать.

– Надеюсь, – эхом откликнулся он, снова поежившись в кресле.

– Простите, что я осмелилась приехать без предупреждения. – Элоиза уже извинялась за это, и сэр Филипп принял ее извинения, но нужно же было как-то поддерживать разговор! Новый знакомый Элоизы, видимо, был не из разговорчивых, но сама она молчать не привыкла.

– Ничего страшного, мисс! – ответил он.

– Не скажите… Это было не очень-то вежливо с моей стороны… Приношу извинения.

– Ей-богу же, мисс Бриджертон, все в порядке! Я рад вашему визиту, только немного…

– Удивлены?

– Да.

Она кивнула:

– Любой на вашем месте был бы удивлен, сэр. Прошу прощения за неудобства, которые я вам наверняка причинила.

Филипп уже хотел было – в который раз – ответить, что ничего страшного, но решил сменить тему и произнес:

– Хороший сегодня день, вы не находите? Солнечный… – Он посмотрел в окно, словно желая проверить, так ли это. – Вам нравится такая погода?

– Хорошая погода, – согласилась Элоиза.

– Но к вечеру, мне кажется, пойдет дождь, – заявил Филипп.

Элоиза молча кивнула, не зная, как еще ответить на это. Взгляд сэра Филиппа по-прежнему был устремлен за окно, и она решила воспользоваться этим, чтобы получше рассмотреть своего нового знакомого. До встречи с сэром Филиппом он представлялся ей не таким крупным, более привлекательным внешне и более цивилизованным. Письма его были романтичными и изысканными, и до встречи

он представлялся Элоизе… как бы это сказать… более утонченным, что ли… Мужчина, сидевший сейчас перед ней, не был склонен к полноте, но все равно Элоиза предпочла бы, чтобы ее потенциальный избранник был поизящнее, не таким мускулистым. Глядя на сэра Филиппа, создавалось впечатление, что большую часть времени он занимается физической работой. Впечатление это подтверждалось еще и тем, что сейчас он был в грубых рабочих брюках и холщовой рубахе, даже без жабо или шейного платка. Несмотря на то что сэр Филипп упоминал в одном из писем, что он шатен, Элоизе он почему-то рисовался с длинными светлыми волосами, словно у поэта, хотя Элоиза сама не знала, почему все поэты в ее воображении непременно были светловолосыми. Однако густые, находившиеся в «лирическом беспорядке» волосы реального Филиппа были именно такими, как он и описывал, – темными, почти черными. Глаза тоже были почти черными, глубокими. Выражение глаз определить не удавалось.

Элоиза поежилась. Ей не очень нравились люди, по глазам которых трудно было догадаться, что у них на уме.

– Вы, кажется, сказали, что провели в пути всю ночь? – спросил он.

– Да.

– Вы, должно быть, устали?

– Честно говоря, очень.

Филипп поднялся, галантно указывая на дверь:

– Может быть, вы желаете поспать прямо сейчас? В таком случае не смею вам мешать.

Элоизе хотелось спать, но чувство голода было сильнее.

– С удовольствием, – кивнула она, – но, если не возражаете, я все-таки сначала поем.

Филипп снова направился к своему маленькому креслу и уже согнулся было в три погибели, чтобы сесть в него, но в последний момент все-таки пробормотал:

– Извините! – и сел в другое, больших размеров.

Элоиза ободряюще кивнула ему, словно говоря: «Не стесняйтесь!»

Филипп в который раз откашлялся.

– Хорошо доехали? – спросил он.

– Спасибо, неплохо, – откликнулась Элоиза, мысленно поставив один плюс Филиппу за то, что он хоть как-то пытается поддержать разговор. Поскольку теперь от нее требовалась какая-нибудь реплика, Элоиза проговорила:

– У вас очень милый дом, сэр Филипп!

Тот удивленно поднял бровь, очевидно, не поверив ее льстивым словам.

– И поместье очень живописное, – продолжала Элоиза.

«Может быть, он просто не замечает, что мебель в доме уже следует поменять? Мужчины, как правило, не обращают внимания на подобные вещи…»

– Стараюсь, – произнес он. – Я все-таки ботаник, так что за растениями по крайней мере слежу… Рад, если вы оценили результаты моего скромного труда.

– Вы, должно быть, собирались и сегодня работать в саду? – спросила она, окинув взглядом его костюм.

– Да.

– Простите, если нарушила ваши планы.

– Ничего страшного, уверяю вас.

– Но вы, должно быть…

– Не надо извиняться, – перебил ее Филипп. – Все в полном порядке, ей-богу же! Я рад, что вы приехали, мисс Бриджертон.

Снова повисла долгая, напряженная тишина. Элоиза невольно поглядывала на дверь, ожидая, словно спасения, когда же появится Ганнинг с чаем.

Устав сидеть в напряжении, она откинулась на спинку дивана, положив поверх нее руку. Мать ее наверняка нашла бы такую позу вульгарной, но Элоизе и хотелось сделать что-нибудь как бы назло матери, раз уж она вырвалась из-под ее всевидящего ока. Покосившись на сэра Филиппа, Элоиза не без удовлетворения отметила, что он тоже смотрит на нее. Заметив это, Филипп смутился и перевел взгляд на ее руку.

Элоиза тут же поменяла позу на более приличную.

Она пристально смотрела на Филиппа, ожидая, когда же тот хоть что-нибудь скажет.

Филипп молчал.

Элоиза чувствовала, что тишина становится для нее невыносимой. Больше всего ее угнетало, когда люди молчат – Элоизе казалось, что это ненормально.

– Сэр Филипп, я… – начала она, еще не зная, что собирается сказать.

Но заканчивать фразу ей не пришлось. Откуда-то сверху вдруг раздался душераздирающий крик.

Элоиза в панике вскочила на ноги.

– Господи, что это?! – вырвалось у нее.

– Ничего страшного, – вздохнув, произнес хозяин дома. – Мои дети.

– У вас есть дети? – удивилась она.

– А что, – усмехнулся Филипп, – это что-то меняет? – Слова его прозвучали недвусмысленно резко.

– Ни в коем случае! – поспешила заверить его Элоиза. – Я люблю детей, у меня у самой бесчисленное множество племянников и племянниц, и, смею вас заверить, все они, в свою очередь, без ума от меня. Тем не менее, сэр, – прищурилась она, – вам следовало бы упомянуть об этом в своих письмах.

– Неужели я не упоминал? – удивился теперь уже он. – Вы, должно быть, просто пропустили это, мисс!

Элоиза резко, даже, пожалуй, немного с вызовом, вскинула подбородок:

– Уверяю вас, сэр, этого бы я не пропустила!

Филипп в ответ лишь молча пожал плечами.

– Вы ни разу не упомянули о своих детях, – продолжала она. – Если сомневаетесь, я могу доказать вам это!

Филипп с недоверчивым видом скрестил руки на груди.

– Где мой багаж? – Элоиза решительно направилась к дверям.

– Одно из двух, мисс, – предположил он, – либо там, где вы его оставили, либо – что вероятнее – мои слуги уже о нем позаботились и он в вашей комнате.

Элоиза обернулась на пороге:

– Все ваши письма при мне, сэр. Если вы там найдете хотя бы одно упоминание о ваших детях, можете делать со мной что угодно!

Филипп изумленно уставился на нее:

– Вы сохранили мои письма, мисс Бриджертон?

– Разумеется, – кивнула она. – А вы мои разве нет?

– Видите ли… м-м-м… – замялся он.

– Все ясно! – укоризненно покачала головой Элоиза.

Филиппу часто казалось, что он никогда не сможет понять женщин, и, вопреки всем научным классификациям, он готов был отнести мужчин и женщин к двум разным видам, если не типам, живых существ. Филиппу часто приходилось испытывать растерянность перед женщинами, но такой сильной, как сейчас, пожалуй, еще ни разу.

– Кое-что, кажется, сохранил… – промямлил он.

Элоиза смотрела на него все с тем же выражением.

– По-моему, даже большую часть, – поспешил добавить он.

Судя по виду Элоизы, она ему не очень-то поверила.

«Да, у этой девицы, кажется, непростой характер!»

– Не то чтобы я их выбросил, – поспешно забормотал Филипп, – просто запамятовал, куда положил…

Элоиза еле сдерживалась, чтобы не сказать сэру Филиппу что-нибудь колкое.

– Ничего страшного, – произнесла наконец она. – В конце концов, это всего лишь письма…

По тону Элоизы, однако, чувствовалось, что она сильно обижена.

Филипп молчал.

Еще один пронзительный крик сверху, затем оглушительный грохот. Филипп поморщился. Неужели его отпрыски дошли уже до того, что начали крушить мебель?

Элоиза покосилась на потолок, словно боясь, что с него начнет сыпаться штукатурка.

– Может быть, вам стоит пойти к ним? – осторожно предположила она.

Филипп и сам понимал, что стоит, но, Бог свидетель, идти и выяснять, что же, собственно, натворили его чада, ему ужасно не хотелось. Когда дети выходили из-под контроля, справиться с ними не мог никто. Во всяком случае, ни один мужчина. Чтобы справиться с этими дьяволятами, нужно было ангельское – или женское – терпение. По крайней мере Филипп чувствовал, что его собственное терпение истощилось уже давно – где-то с полгода назад.

– Сэр Филипп? – все так же осторожно проговорила Элоиза.

– Да-да, конечно, вы правы… – отрешенно пробормотал он, еще не окончательно очнувшись от забытья. Да, он должен пойти к ним. Толку от этого скорее всего будет мало, но не следует показывать мисс Бриджертон, что он не знает, что ему делать с собственными детьми – тем более если он рассчитывает, что она заменит им мать.

– Извините, – произнес он и, пройдя мимо Элоизы, высунулся в коридор: – Оливер! Аманда!

Может быть, Филиппу это только показалось, но он слышал, как мисс Бриджертон издала саркастический смешок.

Филипп сердито посмотрел на нее, хотя это было и не очень вежливо с его стороны. Мисс Бриджертон явно давала ему понять, что она бы на его месте справилась с детьми гораздо лучше.

Стараясь не думать о ней, Филипп выбежал в коридор.

– Оливер! Аманда! – снова позвал он.

«Впрочем, – неожиданно пришло Филиппу в голову, – оно было бы и неплохо, если бы мисс Бриджертон действительно умела обращаться с детьми лучше, чем я». Да что уж там – если бы это было так, Филипп был бы готов целовать пыль под ее ногами…

Дети, как ни странно, откликнулись на его зов, ибо уже сбегали по лестнице навстречу ему.

– В чем дело? – сердито потребовал отчета Филипп.

– Ты о чем, папа? – с невиннейшим видом спросил Оливер.

– По-моему, я слышал крик? – Брови Филиппа сошлись на переносице.

– Это Аманда кричала, – объяснил Оливер.

– Да, это я, – тем же невинным тоном, что и брат, призналась девочка.

Филипп ждал дальнейших признаний, но дети молчали. Поняв, что без наводящих вопросов они ничего не расскажут, Филипп проговорил, обращаясь к дочери:

– Я и сам понял, что это ты! Я хочу знать, почему ты кричала?

– Из-за лягушки, – пожал плечиками белокурый ангел.

– Какой еще лягушки, черт побери?

– У меня в кровати была лягушка, – сообщила она.

– Потрясающе! А как вышло, что в постели Аманды оказалась лягушка? – Вопрос был обращен к Оливеру – Филипп не сомневался, что это его рук дело.

– Я сама ее туда положила, – заявила вдруг дочь.

Филипп перевел взгляд на Аманду.

– Сама? – Изумлению его не было предела. – Зачем?

– Я так хотела, – пожала плечами девочка.

– Хотела, чтобы в твоей постели была лягушка? – Этот разговор уже начал напоминать Филиппу бред сумасшедшего.

– Да.

– Господи, зачем?!

– Мне хотелось, чтобы она принесла лягушат.

– В твоей постели?

– А что? – не моргнув глазом, проговорила Аманда. – По-моему, там для нее хорошее место – тепло и уютно!

– Я помогал ей, – вставил Оливер.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Филипп. – Но зачем же тогда было визжать?

– Я не визжал, – уточнил Оливер. – Это Аманда завизжала!

– Я, кажется, и спрашиваю Аманду! – сурово произнес отец.

– Когда ты задавал вопрос, то смотрел на меня, – заявил Оливер.

«Пошли мне, Господи, терпения!»

– Итак, Аманда, – повторил Филипп свой вопрос, подчеркнуто обращаясь к дочери, – если ты, как утверждаешь, положила ее в свою постель сама, почему же ты тогда завизжала?

– Я успела забыть, что в моей постели лягушка.

– Я думал, она умрет! – воскликнул Оливер.

– Аманда? – встревожился Филипп.

– Лягушка. Она была какая-то больная… Потому мы и взяли ее в дом.

– Я, кажется, уже говорил вам, – тон Филиппа был суров, – никаких лягушек в доме!

– Ты говорил о жабах, папа, – поправил отца Оливер и посмотрел на сестру. Та подтверждающе кивнула.

– Не важно. Ни лягушек, ни жаб, никаких земноводных! Ясно?

– Даже если она умирает? – В глазах Аманды стояли искренние слезы.

– Даже если умирает.

– Но, папа… Разве тебе ее не жалко?

– Ты можешь лечить своих лягушек на улице, – смягчился он.

– На улице холодно. Она могла замерзнуть.

– Наверное, лягушки умеют как-то спасаться от холодов, иначе бы они не жили в нашем климате.

– Но, папа…

– Никаких «но»! Отныне больше ни лягушек, ни жаб, ни кузнечиков, ни сверчков, никаких животных. Ясно?

– Но, папа… – В глазах Аманды стояла такая боль, что Филипп отвернулся, не в силах смотреть в них. Восемь лет назад Филиппу и в голову не могло прийти, какая же это мука – быть отцом.

– И не надо на меня так смотреть! – строго проговорил он, но вовремя осекся. Голос его стал мягче. – В чем дело, Аманда?

– Никаких животных? А как же Бесси? – захлебываясь рыданиями, спросила девочка.

Бесси была спаниелем, горячо любимым всеми.

– Разумеется, Бесси останется, – поспешил заверить дочь Филипп. – Когда я говорил «никаких животных», я, разумеется, не имел в виду ее.

– Почему же ты не сказал этого сразу? – Аманда успокоилась, но как-то уж очень подозрительно быстро. – Ты очень расстроил меня, папа!

– Аманда, прости меня, если это так.

Аманда кивнула, прощая Филиппа, но весь вид девочки говорил о том, что ее слезы – лишь спектакль, разыгранный, чтобы вынудить отца извиниться и тем самым одержать над ним маленькую победу.

Филипп готов был застонать, как от зубной боли. Нет, это невозможно – до каких пор дети будут вить из него веревки? Если они уже в восемь лет способны на такое, то что же будет дальше? Неужели взрослый и, как казалось самому Филиппу (если только человек может объективно оценивать собственный интеллект), неглупый мужчина не в состоянии справиться с двумя малолетними чудовищами, а не стоять перед ними с видом побитой собаки? Где же его родительский авторитет, в конце концов?

– Ладно, – пробурчал Филипп, в душе желая лишь одного – поскорее поставить точку в этом инциденте, – можете идти, вы свободны. Благодарите Бога, что мне сегодня не до вас – я очень занят.

С минуту близнецы смотрели на отца широко раскрытыми глазами.

– Весь день? – спросил Оливер.

– Что «весь день»? – Филипп уже соображал с трудом – голова его раскалывалась.

– Ты будешь занят весь день? – уточнил мальчик.

– Да, – отрезал Филипп.

– Я думала, ты с нами погуляешь… – с разочарованным видом, что скорее всего опять было игрой, протянула Аманда.

– Я же сказал, что буду занят! – нахмурился Филипп, хотя какой-то частью своего сознания он понимал, что погулять с детьми не мешало бы. Но ему хотелось хоть какое-то время отдохнуть от них, а то близнецы, чего доброго, доведут его до нервного срыва.

– Ты собираешься работать в оранжерее? – поинтересовался Оливер. – Мы поможем тебе!

«Ради всего святого, только не это! Они способны разрушить оранжерею в пять минут!»

– Не надо, – твердо заявил Филипп.

– Но, папа…

– Я сказал, не надо!

– Ну-ка, что здесь у нас происходит? – раздался вдруг из-за спины Филиппа веселый женский голос.

Филипп недовольно обернулся. Мало того, что эта красотка является к нему в дом без приглашения – она еще сует нос не в свое дело!

– Но позвольте, мисс Бриджертон!.. – сердито начал он.

Не обращая на него внимания, Элоиза тем же веселым тоном обратилась к близнецам:

– Ну и кто мы такие? А?

– А вы кто такая? – потребовал у Элоизы ответа Оливер.

Аманда смотрела на гостью, недоверчиво прищурив глаза, но особой враждебности не выказывала и даже, пожалуй, немного присмирела. Филипп отметил про себя, что мисс Бриджертон, кажется, уже делает попытку справляться с его детьми.

«Ну что же, – Филипп скрестил руки на груди, – посмотрим, как у нее это получится!»

– Меня зовут мисс Элоиза Бриджертон, – с достоинством сообщила гостья.

– Вы, случайно, не наша новая гувернантка? – с подозрением и сарказмом спросил Оливер.

– Нет. А что случилось с вашей прежней гувернанткой? – поинтересовалась Элоиза.

В этот момент Филипп закашлялся.

– Да так, ничего… – проговорил Оливер, поняв намек отца.

Элоиза почувствовала, что от нее что-то скрывают, но настаивать на раскрытии чужих секретов не стала.

– Я у вас в гостях, – пояснила она.

– Мы не хотим никаких гостей! – без обиняков заявил Оливер.

– Дети!!! – одернул его Филипп. Он не собирался защищать назойливую гостью, но позволять своим отпрыскам подобную дерзость он тоже не мог.

Близнецы продолжали пристально рассматривать Элоизу.

– Дети! – прогремел отец. – Немедленно извинитесь перед мисс Бриджертон!

Никакой реакции.

– Я сказал, немедленно!

– Извините, – выдавил из себя Оливер, хотя весь вид его говорил о том, что извиняться он и не думает.

– А теперь оба быстро в свою комнату! – так же строго скомандовал Филипп.

Оливер и Аманда подчинились отцовскому приказу, но вид у них был такой, словно победители здесь они. Инцидент, впрочем, можно было бы считать исчерпанным, если бы Аманда, дойдя до конца лестницы, неожиданно не обернулась бы, показав Элоизе язык.

– Аманда! – Филипп в бешенстве бросился было за дочерью, но той уже и след простыл.

С минуту Филипп был неподвижен, если не считать того, что от гнева он трясся всем телом. Руки его были сжаты в кулаки. От детей требовалось, в сущности, совсем немного – быть вежливыми и не отвечать вопросом на вопрос, а они и этого не могли! Чего же от них ждать дальше? И за что только Бог наградил его такими детьми, каких не пожелаешь и врагу?

Но еще больше, чем на детей, Филипп злился на самого себя – за то, что снова не смог с ними справиться, не повышая голоса, да и повысив, если честно, все равно не смог…

– Сэр Филипп!

Филипп словно очнулся от забытья. Черт побери, он уже успел забыть о присутствии мисс Бриджертон! Мало того, эта красотка стала свидетельницей его позора.

– Да? – резко обернулся он к ней.

– Ваш дворецкий принес чай, – проговорила Элоиза, направляясь в гостиную, где они только что сидели.

Филипп не имел ни малейшего желания составлять ей компанию. Ему хотелось пулей выскочить из собственного дома – иначе он сойдет с ума. На улице, правда, начинался дождь, но Филиппу было все равно – лишь бы подальше от этой дамочки, ставшей свидетельницей его полного бессилия в обращении с собственными детьми.

– Приятного аппетита, мисс Бриджертон, – угрюмо проворчал он. – Увидимся, когда вы отдохнете.

Не дожидаясь ее реакции, Филипп направился в оранжерею. В этот момент он готов был боготворить свои растения за то, что те никогда не задают вопросов и не высказывают ядовитых замечаний.

Глава 3

… я думаю, ты поймешь, почему я отвергла его предложение. Этот тип показался мне слишком грубым и неотесанным. Мне все-таки хотелось бы выйти замуж за того, кто обращался бы со мной если не как с королевой, то хотя бы как с принцессой. Может быть, ты скажешь, что я слишком многого требую, но на меньшее я не соглашусь.

Из письма Элоизы Бриджертон своей подруге Пенелопе Физерингтон, отправленного ею с посыльным почти сразу же после того, как Элоиза в первый раз получила предложение руки и сердца.

К полудню Элоиза окончательно убедилась в том, что совершила большую ошибку.

Совершать ошибки Элоиза не любила, и самым ужасным для нее было, когда ошибки приходилось признавать. Оставалось лишь, гордо закусив губу, тешить себя надеждой, что все как-нибудь образуется.

Когда сэр Филипп вдруг ни с того ни с сего, пробурчав себе под нос «Приятного аппетита!», выбежал из дома, словно ошпаренный, Элоиза, наверное, минут десять стояла на месте с раскрытым ртом. Она ехала к нему через всю Англию, а этот тип сбежал, не пробыв с ней и часа!

Нет, Элоиза отнюдь не ожидала, что сэр Филипп влюбится в нее с первого взгляда и станет целовать ей ноги… Но мог бы, в конце концов, вести себя и повежливее! Сначала «Кто вы, мисс?», словно был недоволен ее приездом, потом и вовсе «Приятного аппетита!» – и поминай как звали…

Чуть поостыв, Элоиза подумала, что Филипп, возможно, ни в чем и не виноват. Ведь это она придумала себе идеального сэра Филиппа, который влюбится в нее с первого взгляда, бросится к ее ногам и станет умолять стать его женой. Реальный же Филипп Крейн отличался от созданного ею образа как небо от земли. «Что ж, – горько вздохнула про себя она, – на ошибках учатся…» Но ощущать очередное разочарование в мужчине было щемяще грустно.

И самым ужасным было то, что винить Элоиза могла только себя. Сэр Филипп ни в чем не обманул ее – в своих письмах он не написал ни одной фразы, которая бы не соответствовала увиденному Элоизой. Если не считать того, что он все-таки должен был упомянуть о детях, если только всерьез собирался сделать ей предложение. К тому же отец он, судя по всему, неважный: детьми занимается лишь постольку, поскольку от них, увы, никуда не денешься. И то, как видно, все время старается найти какой-нибудь предлог, чтобы общаться с ними как можно меньше.

Элоиза обратила внимание на то, что дети буквально умоляли Филиппа провести этот день с ними. Ребенку, получающему должную заботу и внимание, никогда не пришло бы в голову молить отца об этом. Элоиза вспомнила собственное детство – небо и земля… Ее родители так опекали своих детей, что тем даже порой хотелось убежать от этой чрезмерной заботы.

О собственном отце у Элоизы сохранились самые нежные воспоминания. Правда, умер он, когда ей было всего семь, но Элоиза его прекрасно помнила. В памяти

ее осталось много длинных, увлекательных сказок, которые он рассказывал ей перед сном. Еще ей запомнились поездки в Кент, долгие прогулки по бескрайним полям – иногда они ездили всей семьей, иногда отец брал лишь кого-то одного из детей, а остальным оставалось лишь завидовать этому счастливчику.

Как все это не было похоже на отношение сэра Филиппа к своим детям! Элоиза была уверена, что, не скажи она сэру Филиппу: «Вам следовало бы пойти к вашим детям», – он и не пошел бы к ним. Даже по тому, как Филипп разговаривал с детьми, чувствовалось, что дети для него – неприятная обязанность, которую он охотно переложил бы на плечи гувернантки или жены, которую, похоже, и ищет в первую очередь именно для этого. От Элоизы не укрылось и то, что, общаясь с детьми, Филипп мечтал поскорее улизнуть от них.

Что ни говори, ее новый знакомый оказался совсем не таким, каким в представлении Элоизы должен быть ее будущий избранник. Мечты оказались только мечтами. Пора бы ей уже давно научиться смотреть на вещи трезво…

«Впрочем, – подумала Элоиза, – не стоит делать окончательные выводы о человеке, пообщавшись с ним всего полчаса. В конце концов, это беда Филиппа, а не вина, что он не умеет найти нужный подход к детям».

Элоиза решительно поднялась с постели, так и не отдохнув после бессонной ночи. Но, как это бывает после достаточно сильных волнений, сон все равно не шел к ней, а просто лежать без действия ей было невмоготу – в таком состоянии ей не давали покоя мрачные мысли. Элоиза чувствовала, что если не встанет и не займет себя чем-нибудь, то просто сойдет с ума.

Элоиза распахнула окно, хотя на улице по-прежнему моросило. Но она чувствовала, что ей просто необходим свежий воздух. Да и ветра не было, а значит, дождь не будет заливать комнату.

Из окна своей спальни Элоиза могла видеть пресловутую оранжерею сэра Филиппа. Должно быть, сейчас он там – во всяком случае, в доме его не было слышно. Стекла оранжереи были матовыми, и сквозь них Элоиза могла видеть лишь смутные очертания растений.

«Каким мрачным мизантропом должен быть этот мужчина, если «общество» растений нравится ему больше, чем общество людей! – подумалось вдруг ей. – Вряд ли он даже способен поддержать интересную беседу…»

Как не был похож новый знакомый Элоизы на нее саму, никогда не закрывающую рта!

Но если он такой отшельник, то почему так старательно целый год поддерживал с ней переписку, зачем пригласил ее сюда, да и с какой стати подумывает о женитьбе, в конце концов?

Элоиза потянулась и вдохнула прохладный, влажный воздух полной грудью. Ее раздражало то, что она не знала, чем заполнить сегодняшний день. Хозяин дома до сих пор не соизволил – ни самолично, ни через кого-нибудь из слуг – известить ее о своих дальнейших планах. К столу ее тоже не звали, хотя время обедать, пожалуй, уже пришло.

Элоиза решила прогуляться, чувствуя, что ей больше невмоготу оставаться в этой душной комнате. Здесь она, чего доброго, доведет себя до истерики. Элоиза терпеть не могла чужих истерик, а уж самой оказаться в роли истерички для нее было смерти подобно.

Но потом она решила, что для того, чтобы развеяться, не обязательно выходить на улицу – для начала можно просто пройтись по дому. Элоиза так ничего сегодня и не ела, если не считать нескольких булочек и чая, и теперь чувствовала такой голод, что готова была все отдать за хлеб с джемом.

Поразмыслив о том, какое ей лучше надеть платье, Элоиза остановилась на одном из своих любимых – цвета персика: женственно, эффектно подчеркивает достоинства ее фигуры и в то же время не слишком фривольно. К тому же надевалось и снималось оно легко – не такое уж и малое преимущество, если учесть, что, сбежав из дома, Элоиза не прихватила с собой девушку-служанку и одеваться и раздеваться ей теперь придется самой.

Одевшись, Элоиза подошла к зеркалу. Из зеркала на нее глядела если и не сказочная красавица, то вполне симпатичная девушка. Удовлетворенная, Элоиза решительно вышла в коридор.

И тут же нос к носу столкнулась с обоими отпрысками сэра Филиппа. По тому, как они отшатнулись от двери, можно было заподозрить, что все то время, пока Элоиза отдыхала, близнецы подкарауливали, когда же она наконец выйдет.

– Добрый день! – не подавая виду, что догадалась об этом, проговорила Элоиза самым вежливым тоном. – Рада вас видеть!

– А мы вас видеть вовсе не рады! – без обиняков заявила Аманда. Оливер, правда, ткнул ее при этом под ребра, но сестра не обратила на это внимания.

– Вот как? – подняла бровь Элоиза. – Но может быть, все-таки не откажетесь проводить меня в столовую? Сказать по правде, я немного проголодалась!

– Нет. – Оливер скрестил руки на груди.

– А, понимаю! – Элоиза попыталась сделать вид, что не обижена. – Вы хотите отвести меня в свою комнату и показать ваши игрушки? Я угадала?

– Нет. – Ответ прозвучал в унисон.

– Вот как? Но тогда, может быть, поводите меня по дому? Он такой большой, я могу в нем заблудиться!

– Нет.

– Но вы же не хотите, чтобы я заблудилась в вашем доме?

– Хотим, – буркнула Аманда.

– Хотите, чтобы я заблудилась?

Аманда кивнула. Оливер, по-прежнему со скрещенными руками, презрительно смотрел на Элоизу.

– Все это странно, дети! Зачем же вам тогда понадобилось караулить меня под дверью?

Ответом было молчание.

– А может, вы сами не знаете, где у вас в доме какая комната?

– Мы знаем дом, – процедил Оливер.

– Мы не маленькие! – поддержала его Аманда.

– Вижу, что не маленькие. Маленьких бы взрослые не оставили без присмотра. Ваш папа что, за вами совсем не следит?

– Он занят, – произнес Оливер.

– Очень занят, – кивнула Аманда.

– Он вообще очень занятой человек, – добавил ее брат.

– И на вас у него времени нет! – подытожила девочка.

Элоиза невольно рассмеялась – близнецы тараторили наперебой, словно торопились убедить ее, что их отец всегда занят.

– Понимаю, – сказала она. – Ваш отец слишком занят, чтобы следить за вами. Однако это не объясняет, что вы делали у меня под дверью. Не думаю, чтобы он послал вас ко мне вместо себя.

Близнецы помотали головами.

Элоиза немного задумалась. Ей всегда казалось, что она умеет находить общий язык с детьми – во всяком случае, все ее племянники и племянницы, как она уже говорила сэру Филиппу, были от нее без ума. И Элоиза решила поступить так, как если бы перед ней были ее племянники.

– Понимаю! – заговорщицки подмигнула она детям. – Вы хотите сказать, что умеете предсказывать погоду! Я угадала?

– Нет, – все так же односложно ответил Оливер. Аманда тихо хихикнула, но от слуха Элоизы это все-таки не укрылось.

– Нет? А жаль – эти занудные дожди уже начинают надоедать!

– Папа любит дождь, – заявила Аманда.

– Любит дождь? – удивилась Элоиза. – Странно!

– Папа не странный. – Оливер смотрел на Элоизу как на врага. – Он хороший! Я не позволю вам говорить о нем плохо!

– Я и не говорила о нем плохо. – Элоиза лихорадочно пыталась понять, что все это значит. Сначала ей показалось, что близнецы пытаются заставить ее вернуться домой. О планах отца жениться на ней они наверняка слышали и, должно быть, не хотят обрести мачеху. Когда сэр Филипп столь неожиданно покинул ее, то, прежде чем удалиться в свою комнату, Элоиза успела немного пообщаться с горничной, и та поведала ей, что в этом доме уже сменилось с десяток гувернанток.

Но если так, то почему же дети защищают отца перед ней? Если они не хотят ее брака с их отцом, то им, напротив, было бы выгодно, чтобы у нее сложилось о нем как можно более плохое мнение!

– Уверяю вас, – клятвенно произнесла Элоиза, – я не имею ничего ни против вас, ни против вашего папы – тем более что я его, в сущности, мало знаю.

– Если вы посмеете чем-нибудь огорчить папу, – Оливер был мрачнее тучи, – то я… то я… – Захлебнувшись собственным гневом, мальчик умолк.

Элоиза присела на корточки, глядя ему прямо в лицо:

– Оливер, я готова поклясться, что не собираюсь ничем огорчать твоего папу!

Парнишка молчал.

– Аманда. – Элоиза повернулась к его сестре.

– Уезжайте отсюда. – Лицо девочки было красным от злости. – Мы вас не любим!

– Это ваше дело, но уеду я отсюда не раньше чем через неделю, – стараясь быть спокойной, заявила Элоиза. Детям явно не хватало внимания и заботы – но и хороших манер тоже. В их возрасте они должны бы уже понимать, как можно и как нельзя разговаривать со взрослыми.

Но тут произошло то, чего Элоиза ожидала меньше всего. Оливер с силой, неожиданной для восьмилетнего, обеими руками толкнул ее в грудь. Поскольку Элоиза перед этим присела на корточки, удержать равновесие ей было трудно, и она совершенно неграциозно приземлилась на пятую точку. Платье ее задралось, выставив на обозрение нижние юбки.

– Ну что ж, – сурово проговорила она, поднимаясь. Близнецы уже успели отойти на несколько шагов и рассматривали ее теперь с видом триумфаторов, хотя и не без некоторой доли страха, словно и сами не верили, что один из них посмел толкнуть непрошеную гостью. – Я вижу, вам еще следует поучиться хорошим манерам!

– Вы будете нас бить? – спросил Оливер.

Как ни храбрился парнишка, в голосе его Элоиза уловила нотки страха. «Должно быть, – подумала она, – кто-то его уже когда-то бил».

– Нет, – заявила она. – Я вообще против того, чтобы бить детей, как и кого бы то ни было еще.

При этом Элоиза про себя решила, что кое-кого все-таки стоило бы побить – тех, кто бьет детей. Пусть сами попробуют оказаться в их шкуре.

На лицах детей отразилось явное облегчение.

– Впрочем, – продолжала Элоиза, обращаясь к Оливеру, – не мешало бы тебе напомнить, что ты первый меня ударил.

– Не ударил, а толкнул, – имел наглость поправить тот.

– Не важно. А вы знаете такое правило: «Не делай другому того, чего себе не желаешь»?

– Знаем, – кивнула Аманда. – Оно называется… это… как его… «золотое правило этики».

– Вот видите! – улыбнулась Элоиза. – Оказывается, вы знаете не так уж и мало! – В глубине души Элоиза, однако, сомневалась, что этот первый преподанный ею урок хороших манер был усвоен детьми, но она надеялась, что ее слова заставят близнецов хотя бы немного задуматься.

– Но не кажется ли вам, – прищурилась Аманда, – что в таком случае вы должны вернуться домой?

Элоиза уставилась на нее, не понимая, какая связь между «золотым правилом» и тем, что она должна вернуться домой.

– Разве вы бы хотели, – спросила девочка, – чтобы в вашем доме появился кто-нибудь, кого вы не желаете видеть?

– В общем-то нет… – растерялась Элоиза. – Но при чем здесь…

– А мы не хотим видеть вас в нашем доме. Если вы не должны делать другому того, чего не желаете себе, значит, вам следует отсюда уехать!

– А ты, однако, умна! – поцокала языком Элоиза.

По взгляду Аманды она поняла, что девочке хочется согласиться с ней, но она не делает этого из чувства противоречия.

Элоиза снова присела на корточки, чтобы лучше видеть лица близнецов.

– Но учтите, что и я неглупа, – серьезно заявила она.

Дети смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Эта девушка была совершенно не похожа на всех взрослых, которых им до этого приходилось видеть.

– Надеюсь, мы поняли друг друга? – проговорила Элоиза, оправляя юбки.

Близнецы молчали, и Элоиза решила, воспользовавшись заминкой, убедить детей, что их молчание означает согласие.

– Ну вот и отлично, – подытожила она. – Надеюсь, вы все-таки наконец покажете мне, где столовая? Я чертовски проголодалась!

– У нас сейчас уроки, – сообщил Оливер.

– В самом деле? Как интересно! Тогда бегите на них – вы, должно быть, много пропустили, торча тут у меня под дверью.

– Откуда вы знаете… – начала Аманда, но Оливер снова ткнул ее локтем под ребра.

Элоиза все-таки решила не оставлять незаданный вопрос без ответа.

– Считаю нужным сообщить вам, – пригрозила она близнецам, – что у меня семеро братьев и сестер, а следовательно, целая куча племянников и племянниц. Так что смею вас заверить: опыт общения с детьми у меня богатый, и на каждую вашу выходку я найду ответ.

Однако когда близнецы наконец удалились, Элоиза в задумчивости прикусила губу. Не стоило бы, пожалуй, заканчивать разговор подобным образом, словно дети объявили ей войну, а она приняла их вызов. Теперь Оливер и Аманда уж точно будут стараться сделать все возможное, чтобы превратить пребывание Элоизы в их доме в ад.

Впрочем, Элоизу это мало смущало. В конце концов, она родилась в семье Бриджертонов, а всякий, кто имел об этой семье хотя бы малое представление, знал, что с Бриджертонами шутки плохи.

Элоиза поежилась. Ей вспомнились истории, рассказанные горничной, о том, почему гувернантки в этом доме не задерживались. Одной дети подложили в кровать угрей, другой вылили на голову пузырек чернил, третья уселась на варенье, «заботливо» размазанное близнецами по креслу… Перспектива

претерпеть нечто подобное от неуправляемых детей Элоизе совсем не улыбалась. Если бы она знала, что в доме своего предполагаемого жениха она столкнется с подобными монстрами в облике невинных детей, Элоиза, пожалуй, еще десять раз подумала бы, стоит ли сюда ехать.

У Элоизы возникло желание тут же разыскать сэра Филиппа и спросить у него напрямую, не передумал ли он еще делать ей предложение, иначе зачем ей торчать здесь целую неделю или две, ожидая новых фокусов от его отпрысков? Одному Богу известно, на какие еще ухищрения способны эти маленькие чудовища – подложить ей в тарелку с супом мышь или паука, а может, насыпать в сахарницу вместо сахара соли.

Стоило Элоизе подумать о еде, как в желудке у нее забурчало. Нет, надо срочно что-нибудь съесть! И как можно скорее, а то близнецы, чего доброго, найдут способ подсыпать ей яда в тарелку.

Филипп понимал, что принял мисс Бриджертон не очень вежливо. Но если эта красотка рассчитывала на лучший прием, ей не следовало являться без предупреждения! Если бы у него было время подумать, как ее встретить, он заготовил бы какую-нибудь цветистую приветственную речь… С красноречием у Филиппа всегда были проблемы. Знала бы эта Элоиза, с каким трудом давалась ему каждая фраза в тех письмах, что он писал ей! Для того чтобы написать хотя бы с полстраницы, Филиппу каждый раз приходилось уничтожать массу черновиков, причем писал он всегда на лучшей бумаге, все время надеясь, что уж на этот раз он сразу напишет набело.

Бог свидетель, если бы Элоиза предупредила его, Филипп подготовился бы к встрече гораздо лучше. Он преподнес бы ей самые роскошные цветы, выращенные специально для нее – уж в чем, в чем, а в цветах Филипп знал толк.

Но мисс Бриджертон возникла перед ним внезапно, словно ниоткуда, и от неожиданности Филипп все испортил – может быть, даже необратимо…

В первый момент он даже и не понял, кто перед ним. Но его ли в том вина? Девушка, представшая перед Филиппом, была мало похожа на ту Элоизу Бриджертон, которую рисовало ему воображение.

Филипп знал, что мисс Бриджертон двадцать восемь лет и что она до сих пор не замужем. Почему? Не иначе как из-за каких-нибудь дефектов во внешности.

Представшая же перед ним девушка была вполне… Филипп задумался. Как же ее описать? Не идеальная красавица, однако нельзя отрицать, что весьма недурна собой – густые каштановые волосы, живые серые глаза, в которых отражаются ее жизнерадостность и проницательный ум… Главная «изюминка» в ней, пожалуй, не внешность, а именно это выражение ее милого, доброго лица. А как грациозно она склоняла голову немного набок, когда о чем-нибудь задумывалась… Одно совершенно ясно: мисс Бриджертон не была похожа на пустоголовую красотку. А какая у нее обворожительная улыбка…

Улыбнулась она ему, впрочем, всего лишь от силы пару раз. Конечно, он сам в этом виноват – кто велел ему держаться с гостьей таким букой?

Зачерпнув пригоршню земли, Филипп ссыпал ее в горшок, куда собирался посадить недавно купленное им экзотическое растение. Слишком утрамбовывать землю не надо, иначе растению будет трудно пускать корни. Интересно, приживется ли вообще этот капризный тропический цветок на северной почве туманного Альбиона?

Филипп рассеянно вытер руки о фартук, не зная, что делать дальше. Честно говоря, он возлагал на свой почтовый роман с мисс Бриджертон большие надежды. Ни времени, ни, признаться, желания долго и постепенно ухаживать за своей возможной женой у Филиппа не было. «Роман» в письмах и вести проще, и времени он отнимает меньше.

Филипп почему-то был уверен, что женщина, приближающаяся к тридцати, обеими руками готова будет ухватиться за любое предложение руки и сердца. Разумеется, свадьбе в любом случае должно предшествовать хотя бы короткое личное знакомство. Но мисс Бриджертон, несмотря на не такой уж юный возраст, казалось, еще не настолько отчаялась выйти замуж, чтобы вешаться на первого встречного.

И она, пожалуй, права. Еще достаточно молодая, красивая, умная женщина может позволить себе быть разборчивой при выборе мужа. А о Филиппе она пока знает не так уж и много. Да и что он может предложить ей? Не бог весть какое роскошное поместье в глостерширской глуши, падчерицу и пасынка, каких и

врагу не пожелаешь, и самого себя – скучного анахорета и мизантропа… Он даже одеваться по моде не умеет, ведь большинство его костюмов – работа сельского портного, руководствующегося принципом «не ладно скроено, да крепко сшито». А эта дамочка, видимо, привыкла к шумному столичному свету, театрам, балам, куче знакомых… Что из этого ей может предложить Ромни-Холл?

Филипп уже жалел, что сделал попытку познакомиться с Элоизой Бриджертон. Судя по всему, долго она здесь не задержится.

Филипп крепко выругался себе под нос. Черт побери, теперь придется искать новую претендентку – а где он ее найдет, скажите на милость? Все незамужние дамы в округе, разумеется, давно знали про близнецов – и ни одна из них, будучи в здравом уме, не согласилась бы стать мачехой этих маленьких монстров.

Единственную надежду Филипп возлагал на Элоизу Бриджертон – и вот, похоже, и с этой надеждой ему придется распрощаться.

Филипп поставил горшок с землей на полку, так сильно грохнув им, что тот чуть не разбился. Но нервы Филиппа были сейчас слишком взвинчены, чтобы он мог обращаться с горшками бережно.

Тяжело вздохнув, Филипп погрузил перепачканные землей руки в таз с водой, хотя та уже была довольно грязной. Он был зол на весь мир, и более всего на мисс Бриджертон – за то, что она отняла у него время, а если пока и не отняла, то наверняка еще отнимет. Но вечером она, должно быть, уедет – чем еще может все это кончиться?

Тем не менее Филипп не оправдывал себя – он мог бы держаться с гостьей и повежливее. В конце концов, она не виновата, что он не умеет обращаться с собственными детьми, не виновата и в том, что сегодня он встал не с той ноги.

Вытерев руки о полотенце, висевшее у дверей, Филипп вышел на улицу, где по-прежнему моросил дождь, и направился в дом. У Филиппа не было с собой часов, но, по его расчетам, уже пора было обедать, а посидеть во время обеда за одним столом с мисс Бриджертон и обменяться с ней парой-другой вежливо-дежурных реплик, в конце концов, ни к чему его не обязывало.

Ведь пока она еще здесь, шансы Филиппа не потеряны. Мисс Бриджертон в любой момент может уехать, так что другой возможности узнать ее получше может и не выпасть. А вдруг все-таки окажется, что они смогут быть и не такой уж плохой парой…

Филипп вошел в дом с заднего крыльца, вытерев предварительно ноги о коврик, заботливо положенный у входа горничной. Одежда его была вся перепачкана после работы с землей. Слуги давно привыкли к подобному виду хозяина, но ради мисс Бриджертон Филипп решил все-таки умыться и переодеться. Вряд ли этой лондонской штучке понравится сидеть за одним столом с неопрятным, непричесанным мужчиной.

Филипп прошел через кухню, рассеянно кивнув кухарке, которая в этот момент варила морковь, и вдруг боковым зрением заметил что-то, задержавшее его внимание.

– Мисс Бриджертон? – Удивлению Филиппа не было предела. Гостья сидела посреди кухни на грубом табурете, с аппетитом уплетая огромный сандвич с окороком, и, судя по всему, чувствовала себя как дома. – Что вы здесь делаете?

– А, это вы, сэр Филипп! – обернулась к нему Элоиза.

– Вам не следует есть на кухне! – Слова Филиппа прозвучали слишком резко, хотя он сам не мог бы объяснить, за что, собственно, он сердится на гостью – разве только за то, что она оказалась там, где он не ожидал ее встретить, и увидела его в столь непрезентабельном виде.

– Я знаю, – с набитым ртом проговорила Элоиза. – Но во-первых, я проголодалась, а во-вторых, соскучилась одна, и кухня оказалась единственным местом, где мне удалось найти еду и приятную компанию.

По тону Элоизы трудно было понять, сказано ли это в качестве претензии к хозяину или просто так; и Филипп на всякий случай решил не показывать, что задет.

– Мисс Бриджертон, я как раз собирался переодеться и пригласить вас к обеду, – проговорил он.

– Что ж, – отвечала она, – если так, то я буду рада переместиться в столовую и доесть свой сандвич там. Надеюсь, миссис Смит, – кивнула Элоиза кухарке, – не откажется сделать еще один для вас. Кстати, спасибо, миссис Смит, у вас получается очень вкусно!

– Я рада, – улыбнулась та и повернулась к Филиппу: – Разумеется, я с удовольствием сделаю сандвич и для вас, сэр.

Филипп застыл на месте, пораженный, как по-дружески общается миссис Смит с его гостьей. С ним кухарка никогда не была так приветлива.

– Тогда, если не возражаете, – поднялась с табурета Элоиза, – переместимся в столовую. Вы можете не переодеваться, сэр Филипп, – я не имею ничего против вашей домашней одежды.

Прежде чем Филипп успел что-либо сказать, они уже очутились в той самой гостиной, где утром завтракали. Сейчас они сидели друг против друга за маленьким круглым столиком, что Филипп нашел гораздо более уютным, чем обеденный зал с его огромным, длинным столом, за которым он обычно обедал – чаще всего в полном одиночестве. Служанка принесла чайный сервиз, и вскоре мисс Бриджертон сама наливала Филиппу чай.

Филипп нахмурился. Ему не очень нравилось, что гостья уже начала хозяйничать в его доме, указывая ему, когда они должны обедать и где. Если эта бойкая девица станет его женой, то как бы не оказаться у нее под каблуком…

– Я уже имела удовольствие пообщаться с вашими детьми, – заявила мисс Бриджертон, поднося свою чашку к губам.

– Я знаю, – откликнулся он. – Я ведь при этом присутствовал!

– Я имею в виду – еще раз, позже.

Филипп вопросительно вскинул бровь.

– Когда я вышла из спальни, оказалось, что они поджидали меня под дверью.

Филипп напрягся. Подкарауливали ее под дверью? Зачем? Чтобы высыпать ей на голову мешок живых лягушек или, что совсем не лучше, дохлых лягушек? Если с гувернантками они вытворяли подобное, то вполне могут и с гостьей, которую, судя по всему, невзлюбили с первого взгляда.

– Смею надеяться, – усмехнулся он, – вы не очень пострадали, если, как я вижу, остались живы?

– Да нет, не очень… – улыбнулась Элоиза. – Можно даже сказать, что нам удалось достичь некоторого взаимопонимания.

– Взаимопонимания? – Филипп напрягся еще больше. – Что вы этим хотите сказать?

Элоиза промолчала, тщательно дожевывая бутерброд.

– Обо мне вам не стоит беспокоиться, сэр Филипп, – заверила она его, прожевав.

– Может быть, – поинтересовался он, – мне стоит беспокоиться о моих детях?

Улыбка гостьи была обезоруживающей.

– Ни в коем случае, сэр.

– Что ж, уже хорошо… – пробубнил Филипп, сосредоточившись на своем сандвиче. Немного погодя он вновь посмотрел на нее. – Мисс Бриджертон, – начал он, глядя ей прямо в лицо, – я должен извиниться за то, как я принял вас сегодня утром. Это действительно было не очень достойно.

Элоиза рассеянно кивнула:

– Ничего страшного. Это я должна извиниться, что явилась без предупреждения.

– Вы уже извинялись за это, мисс. А от меня вы извинений пока не слышали.

Элоиза улыбнулась ему. Лицо ее и вообще казалось Филиппу привлекательным, но когда она улыбалась, оно становилось просто обворожительным. Переписываясь с ней, Филипп пытался представить, как выглядит его корреспондентка, но он, конечно же, не ожидал, что при одном взгляде на нее у него будет кружиться голова.

– Я принимаю ваши извинения, сэр, – проговорила Элоиза. От взгляда Филиппа не укрылось, что щеки ее при этом слегка порозовели.

Филипп откашлялся и нервно заерзал в кресле. Господи, да что с ним такое, в конце концов, почему, когда она улыбается, он чувствует себя еще более неловко, чем когда она хмурится?

– Ну что ж, – вздохнул он, – теперь, когда с извинениями покончено, надеюсь, вы соизволите объяснить мне причину своего приезда.

Элоиза, отложив сандвич, посмотрела на него с изумлением – такой прямолинейности она не ожидала.

– Если мне не изменяет память, – усмехнулась она, – вас, кажется, интересует вопрос о браке!

– Это меня, – кивнул он. – Но я ведь спрашивал о вас!

– Из того, что я здесь, вы, думаю, можете заключить, что я тоже не прочь рассмотреть вас в качестве возможной кандидатуры.

Филипп пристально посмотрел на нее. От этого взгляда Элоизе стало не по себе.

– Вынужден признаться, мисс Бриджертон, – заявил он, – вы оказались не такой, какой я вас себе представлял.

– Можете называть меня просто Элоизой. Что ж, откровение за откровение – вы тоже оказались не таким, каким я вас представляла, сэр.

Филипп откинулся в кресле, с любопытством глядя на нее.

– А каким вы меня представляли? – прищурился он.

– А вы меня?

Филипп посмотрел на Элоизу, как бы давая понять, что заметил ее нежелание отвечать на его вопрос.

– Я не ожидал, мисс Бридж… Элоиза, – произнес он, – что вы окажетесь так красивы.

Элоиза почувствовала, как кровь приливает к ее щекам. Она знала, что сегодня, после бессонной ночи и всех волнений, она не очень хорошо выглядит, но знала она и то, что даже в лучшем своем виде ей далеко до тех женщин, которых в высшем свете считают идеально красивыми. Считалось, что женщины семейства Бриджертон недурны собой – но не более того. Элоиза и ее сестры пользовались успехом у молодых людей, но Элоиза знала, что это скорее потому, что они были веселыми и общительными, чем потому, что мужчины были очарованы их красотой.

– Ну что вы… – зарделась она еще сильнее. – Спасибо, сэр Филипп!

Филипп галантно склонил голову.

– Я не ожидала, сэр, – проговорила она, смеясь, – что моя скромная внешность произведет на вас такое впечатление!

Элоиза не преувеличивала – она действительно не ожидала этого. Не то чтобы ей прежде не приходилось слышать комплиментов от мужчин – в конце концов, она же не уродина… Но до сих пор никто не пожирал ее так глазами, как мужчина, сидящий сейчас напротив нее.

Элоиза поежилась, хотя ей отнюдь не было холодно – скорее наоборот, бросало в жар.

– Вы писали, что вы до сих пор не замужем, Элоиза, – произнес Филипп. – Почему? На то должна быть причина!

– Если вы думаете, что я не получала ни одного предложения, – сочла нужным поведать ему она, – то вы ошибаетесь.

– Думаю, получали, – кивнул он, как бы желая сказать, что для такой красивой женщины это исключено. – Но хотелось бы полюбопытствовать, почему такая женщина, как вы, решили остановить свой выбор… на таком, как я.

Элоиза посмотрела на него – посмотрела в первый раз по-настоящему с момента их встречи. Внешность сэра Филиппа была грубовата, к тому же он выглядел весьма неухоженным – явно не хватало внимательного женского глаза и женской руки! – но странным образом это делало Филиппа по-своему привлекательным. Волос его, похоже, давно не касался парикмахер, однако в их «лирическом беспорядке» была своя диковатая прелесть. Лицо Филиппа было заметно тронуто загаром – и это несмотря на то что солнце в этом году очень редко баловало своим появлением. В сильной, мускулистой фигуре Филиппа и в его небрежной позе – он сидел сейчас в кресле, вытянув ноги, и Элоиза подумала, что в лондонском свете такую позу нашли бы слишком вольной, – была естественная грация.

Выражение лица сэра Филиппа говорило о том, что, привыкнув к простой, вольной сельской жизни, он не считает нужным следовать всем этим условным, чопорным манерам света. В то же время в этом выражении не было стандартного отпечатка того скучающе-самодовольного презрения к людям, которое Элоиза не раз замечала на лицах молодых людей из высшего света. Не было в отсутствии хороших манер у сэра Филиппа и сознательного вызова светским условностям – скорее всего ему просто не приходило в голову задуматься, соответствуют ли его манеры общепринятому этикету или нет.

А вообще сэр Филипп Крейн, на взгляд Элоизы, являлся мужчиной, у которого не должно было бы возникнуть особых проблем с выбором жены. Почему же этот человек – по крайней мере на данный момент – остановил свой выбор на ней, Элоизе Бриджертон?

– Я решилась на встречу с вами, сэр, – проговорила она, – потому что, отвергнув несколько предложений руки и сердца, – Элоиза подчеркнула слово «несколько», хотя, может быть, это было и нескромно, – я все еще надеюсь найти себе мужа. По вашим письмам у меня создалось впечатление, что вы неплохой кандидат. Было бы неразумно с моей стороны не воспользоваться шансом и не посмотреть, что из этого выйдет.

– Я вижу, вы очень практичная женщина, Элоиза! – усмехнулся он.

– А вы? – в тон ему ответила она. – В конце концов, инициатива исходила от вас! Позвольте же и мне полюбопытствовать, в свою очередь, – почему ваш выбор пал на меня? Не нашлось ни одной достойной кандидатки среди женщин в округе?

В ответ Филипп долго молчал и лишь усиленно моргал. Наконец, когда Элоиза уже не надеялась дождаться ответа, он произнес:

– Вы же сами сказали, что уже имели «удовольствие» видеть моих детей, Элоиза. – Филипп тяжело вздохнул.

Элоиза чуть было не подавилась сандвичем.

– Простите, сэр?

Филипп повторил свою фразу.

– Да, но… – Брови Элоизы вдруг удивленно поднялись. – Вы хотите сказать, что они уже успели распугать всех претенденток, сэр?

Он мрачно посмотрел на нее:

– Вы угадали, мисс.

– Да у вас вполне нормальные дети, сэр… – поспешила заверить его Элоиза.

– Им нужна мать, – вздохнул Филипп.

– И это единственное, что заставляет вас вести со мной разговор о браке? – фыркнула она. – Я-то думала, у вас найдется хоть что-нибудь поромантичнее!

Нахмурившись, Филипп взъерошил рукой и без того растрепанные волосы.

– Мисс Бриджертон… – начал он, – Элоиза. Буду с вами откровенен: на долгие романтические ухаживания у меня нет ни времени, ни желания. Я не мастер нежных слов и не любитель прогулок под луной. На самом деле все очень просто и прозаично: мне нужна жена, моим детям – мать. Вот я и выбрал вас на эту роль.

– Какую? – поинтересовалась Элоиза.

Филипп растерянно заерзал на стуле. Нет, он, должно быть, никогда не поймет женщин, если они даже изъясняются каким-то особым языком! Что, черт побери, означает это ее «какую?»?

– Простите, мисс? – переспросил он.

– На какую роль вы меня назначили, сэр? Матери ваших детей – или жены?

– Вообще-то на обе, – упавшим голосом проговорил он.

– А какая из этих ролей для вас важнее, сэр?

Филипп задумался. От того, как он ответит на этот вопрос, зависит, может быть, все его будущее. Если его ответ не понравится сейчас Элоизе, это может означать, что с надеждой на брак надо распрощаться.

– Признаться, я никогда не разделял эти две роли, мисс, – ответил он наконец.

Выражение лица Элоизы стало серьезным.

– Понимаю, – задумчиво кивнула она. – Я считаю, что в этом вы правы, сэр.

Филипп с облегчением перевел дыхание, не заботясь о том, что это вышло слишком шумно. Надоумил ли его Всевышний или кто иной, но, кажется, ответ вполне удовлетворил собеседницу. Во всяком случае, не разочаровал.

Устроившись поудобнее в своем кресле, Элоиза потянулась за недоеденным сандвичем.

– Полагаю, – проговорила она, – мы можем продолжить обед, сэр? Если не ошибаюсь, вы довольно долго проработали в вашей оранжерее и, думаю, проголодались!

Филипп кивнул и откусил кусок от своего сандвича. Он вдруг почувствовал себя вполне довольным жизнью. Уверенности в том, что Элоиза Бриджертон захочет стать леди Крейн, у него по-прежнему не было, но если все же станет, то это, пожалуй, будет не так уж и плохо…

Но как Филипп уже признался Элоизе, на долгие ухаживания он не был настроен. Но какое-то время хочешь не хочешь все-таки должно пройти… До их встречи Филипп представлял себе свою новую знакомую женщиной, уже оставившей мечту о прекрасном принце, а вместе с ней и чрезмерную разборчивость. Реальная же мисс Бриджертон, несмотря на не слишком юный возраст, оказалась не такой. И на него, Филиппа, судя по всему, эта дама смотрела не как на свой последний шанс, а всего лишь как на одного из кандидатов.

Тем не менее чего-то в этой жизни ей, очевидно, все-таки не хватает. Ведь что-то заставило ее, бросив блестящий, шумный лондонский свет, пересечь пол-Англии ради встречи с неизвестным мужчиной, ждущим ее в далекой сельской глуши?

Но сейчас, глядя на милое, улыбчивое лицо, гибкую, грациозную фигурку, Филипп вдруг почувствовал, что ему, в сущности, не так уж и важно, что именно заставило эту девушку приехать к нему.

Главную задачу теперь он видел в том, чтобы убедить ее остаться.

Глава 4

… Весьма огорчило меня, милая Дафна, что с рождением третьего ребенка у тебя настолько прибавилось хлопот, что ты, по твоим словам, готова порой лезть на стену и что ни Амелия, ни Белинда не рады появлению новой сестры. Однако

советую тебе во всем видеть светлую сторону. Подумай, каково бы тебе было, если бы ты вдруг родила сразу двоих!

Из письма Элоизы Бриджертон своей сестре, герцогине Хастингс, через месяц после рождения ее третьего ребенка.

Филипп бодро шагал по направлению к лестнице через главный холл, по-прежнему вполне довольный жизнью, и насвистывал себе под нос. Долгий задушевный разговор с мисс Бриджертон – нет, поправил он себя, с Элоизой, – окончательно убедил его в том, что она сможет стать для него неплохой женой. Элоиза произвела на него впечатление весьма неглупой особы. К тому же она, имея кучу племянников и племянниц, наверняка сумеет найти подход к Оливеру с Амандой.

«А еще, – мысленно отметил Филипп и улыбнулся, – эта девочка весьма недурна собой…» Во время разговора с Элоизой Филипп несколько раз ловил себя на том, что любуется ею, представляя себе, как будет держать в объятиях этот стройный стан, как страстно Элоиза будет отвечать на его поцелуи…

Филипп вдруг почувствовал, как в душе его – нет, в теле – с новой силой воскресают почти уже забытые ощущения… Черт побери, когда он последний раз занимался любовью? Лет восемь назад – прошла целая вечность…

Конечно, он мог бы в любой момент воспользоваться услугами женщин из местной таверны… Но все эти безликие да к тому же изрядно потрепанные девицы совершенно не вдохновляли его. В таверну Филипп наведывался не так уж и редко, но исключительно ради горячего ужина и нескольких бокалов вина. Встретиться в таверне с девицей, с которой он переспал пару раз и утратил к ней интерес, ему совсем бы не хотелось. Да и понятие «супружеская верность» не было для Филиппа пустым звуком, хотя последний раз он спал с женой спустя полгода после рождения близнецов.

В депрессию Марина впала после рождения детей. И прежде нервная и склонная к меланхолии, после родов она окончательно замкнулась в своем мрачном, страшном мире. От реального человека словно осталась одна бледная оболочка, которая ходила, ела и пила – а чаще просто целыми днями лежала в постели без движения и без еды. Смотреть на это Филиппу было порой невыносимо.

Он знал, что какое-то время после родов врачи рекомендуют женщинам воздержание, и готов был терпеливо ждать. Но ожидания его не были вознаграждены. И дело было даже не в том, что Филипп не смел настаивать на близости против воли жены – его самого уже не тянуло к женщине, не получающей от этого никакого удовольствия и не способной доставить удовольствие ему.

Собственно говоря, после рождения близнецов это было всего один раз. Решив – или, скорее, понадеявшись, – что жене уже немного лучше, Филипп осмелился прийти в ее спальню. Марина не отказала ему, но при этом тело ее за все время акта было неподвижно, словно труп, а сознание и чувства, казалось, вовсе отсутствовали. У Филиппа осталось лишь отвратительное ощущение, словно он изнасиловал ее, хотя никаких возражений от Марины он не услышал.

С тех пор Филипп не предпринимал новых попыток. Потребность в близости для него все же была не настолько сильна, чтобы удовлетворять ее с женщиной бесчувственной, словно труп.

После того, оказавшегося последним, акта Филипп вернулся в свою комнату. Его тошнило и трясло, он чувствовал себя подонком. Он вел себя как животное, пытаясь вызвать в Марине хоть какую-то ответную реакцию, а когда это не удалось, со злостью свалил всю вину на нее.

Филиппа испугало, что он был так груб с женой и едва удержался, чтобы не ударить ее. Филипп словно обнаружил в себе кого-то другого, ненавистного ему самому человека, о существовании которого он раньше и не подозревал.

Но что толку вспоминать о прошлом? Марины больше нет, а Элоиза совсем другая. Может быть, он и не знает о ней всего, но вряд ли эта женщина станет пугаться и вздрагивать, случись Филиппу всего лишь, скажем, уронить на пол шляпу, не станет она и запираться в своей комнате на полдня, безудержно рыдая в подушку и отказываясь от еды. Представить себе Элоизу такой Филипп просто не мог. Эта женщина умела радоваться жизни и смело встречала повороты судьбы.

И этого было вполне достаточно, чтобы она могла стать его женой.

Вынув из кармана часы, Филипп посмотрел на них. Он сказал Элоизе, что ужин будет в семь и что он подойдет к ее комнате, чтобы проводить в столовую. Не стоит, пожалуй, появляться слишком рано – этим он выкажет свое нетерпение.

Но и опаздывать Филипп не хотел – Элоиза, чего доброго, решит, что она ему безразлична.

Закрыв крышку часов, Филипп опустил их в карман. Черт побери, он ведет себя словно влюбленный по уши подросток! Он, взрослый мужчина с университетским дипломом, считает минуты до встречи с женщиной, с которой расстался не более получаса назад!

Но думая так, Филипп поймал себя на том, что снова машинально полез за часами. Без трех минут семь. Отлично! Как раз две минуты на то, чтобы подняться по лестнице, и еще одна – больше не надо, – чтобы подождать Элоизу у двери.

Филипп улыбнулся, попытавшись представить себе Элоизу в вечернем платье. Хорошо бы оно оказалось голубым – голубое ей наверняка пошло бы.

Впрочем, он был бы рад увидеть ее в любом платье, а еще бы лучше вообще без него… Поймав себя на этой грешной мысли, Филипп усмехнулся.

Филипп готов был увидеть ее в любом виде, но когда она предстала перед ним, он был поражен. Элоиза была вся в белом. Нет, не в белом платье – она была с головы до ног обсыпана чем-то похожим на муку. Черт побери, этого еще не хватало!

– Оливер! Аманда! – вскричал он.

– Оливер с Амандой давно убежали! – усмехнулась Элоиза, глядя на него воспаленными глазами – единственным, что не было покрыто толстым слоем муки.

«Что ж, их счастье», – подумал Филипп. Если бы дети сейчас оказались здесь, Филипп мог бы сделать с ними неизвестно что.

– Мисс Бриджертон! – Филипп протянул руку, чтобы помочь ей очистить лицо, но лишь размазал муку. – Ради бога, простите…

– Сэр Филипп, – резко проговорила она. – Раз и навсегда – не извиняйтесь больше за своих детей!

– Хорошо. Но уверяю вас… обещаю… что впредь…

Голос Филиппа вдруг оборвался – Элоиза посмотрела на него взглядом, перед которым спасовал бы любой мужчина, обладай он даже смелостью самого Наполеона.

– Сэр Филипп! – Голос Элоизы звучал тихо, но взгляд был таким, словно она собиралась броситься на него. – Прошу извинить меня – ужинать в таком виде я, сами понимаете, не могу.

Филипп инстинктивно попятился назад.

– Я не ошибся – это снова проделки моих детей? – осторожно уточнил он.

– Чьи же еще? – В голосе Элоизы, однако, не было сарказма. – И разумеется, эти маленькие трусы тотчас же убежали.

– Далеко наверняка не могли убежать! – проворчал себе под нос Филипп, однако решил ничего не предпринимать. Пусть лучше Элоиза даст выход своему раздражению, а он будет пытаться разговаривать с ней так, словно ничего не произошло.

Может быть, это и не было лучшим решением. Но как бы она, чего доброго, не задушила его.

– Я думаю, им наверняка захочется посмотреть на результаты своих «трудов»! – усмехнулся Филипп.

Элоиза закашлялась, распространяя вокруг себя тучи муки.

– Они смеялись, когда высыпали на вас муку? – спросил он.

– Ведро свалилось прямо мне на голову. В таком состоянии я не могла ничего слышать!

– Разумеется, – забормотал Филипп, – не могли… – Взгляд его упал на большое железное ведро, валявшееся на полу. – Вы не ранены, Элоиза? – с тревогой спросил он.

– Вроде бы нет.

– Разрешите посмотреть. – Рука Филиппа потянулась к ее вискам, но Элоиза отстранилась. – Стойте смирно, – приказал он и дотронулся до ее висков. Прикосновение было интимным – при других обстоятельствах Филипп себе такого не позволил бы. Но сейчас он чувствовал, что, не будь Элоиза вся в муке, он едва ли удержался бы, чтобы не поцеловать ее.

Элоиза попыталась освободиться.

– Ей-богу же, сэр, со мной все в порядке! Мука весила больше, чем ведро!

Филипп поднял ведро и подержал в руке, прикидывая его вес. В принципе довольно легкое, серьезных увечий не нанесет… Но все равно мало кому захочется получить этой штукой по голове.

– Уверяю вас, сэр Филипп, жизни моей ничто не грозит!

Филипп откашлялся.

– Я полагаю, вы желаете принять ванну? – осведомился он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kuin_dzhuliya/seru-filippu-s-lyubov-yu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити